

3 БЕСТСЕЛЛЕРА

О ведьмах

ЛЮДМИЛА СИВОЛОБОВА
ОЛЬГА ПОДПАЛОВА, ТАИСС ЭРИНКАЙТ
АНЖЕЛИКА ФЕТИСОВА

**Таисс Эринкайт
Людмила Сиволобова
Анжелика Фетисова
Ольга Подпалова**

**Сборник «3
бестселлера о ведьмах»**

Серия «3 бестселлера»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22095746
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В сборник вошли книги: «Все меня называют ведьмой» Людмилы Сиволобовой, «По следу зверя. Игры больших кошек» Ольги Подпаловой и Таисс Эринкайт, «Исповедь ведьмы» Анжелики Фетисовой. Серия «3 бестселлера» – это уникальные сборники популярных книг современных авторов. Серия представлена жанрами любовного фэнтези, современного и исторического любовных романов, любовной фантастики. Мы собрали самые увлекательные истории о попаданках, романтических путешествиях в космосе, любовных треугольниках и еще многие другие сюжеты, способные

заинтриговать и взбудоражить воображение любого, даже самого прихотливого читателя.

Содержание

Людмила Сиволобова	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	77
Глава 10	85
Глава 11	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

3 бестселлера о ведьмах

Людмила Сиволобова
Все меня называют ведьмой

Глава 1

Я сидела в СВ-купе поезда Москва-Хабаровск. Непонятое чувство тревоги и ожидания чего-то былое в голове, заставляя напряжённо перебирать в памяти события этого утра. И вроде бы ничего необычного не происходило. Правда, началось все после вчерашнего сна, когда пришла ко мне бабушка. Села молча на кровать и, погладив меня по голове, как в детстве, печально произнесла:

— Бедная моя внученька. Всё пройдёт, но я же тебя предупреждала, что месть за Митю вернётся бумерангом. А ты не послушала меня, старую, вот теперь и пришло время пожинать плоды. Мужайся, Рада. Помни, страх и паника приносят только смерть, не поддавайся им! Ты умная, будь хладнокровной, это тебе поможет. Запомни, ещё не настало твоё время уходить вслед за нами!

Напоследок бабушка склонилась надо мной, коснувшись теплыми губами щеки и исчезла, как лёгкая предрассветная

дымка, оставив после себя тревожное чувство ожидания чего-то нового.

Резко открыв глаза, я села в кровати. Зябко поёжилась и натянула на плечи сползшее одеяло. Приложив руку к груди, задержала дыхание в попытке успокоить бешено колотящееся сердце.

Выспаться не удастся. Призрачная надежда на безмятежный сон испарилась с остатками видения. Тяжело вздохнув, я спустила ноги с кровати, касаясь босыми ступнями мягкого ворса ковра. Прислушалась к тишине в доме. Полумрак еще окутывал спальню. Неслышно ступая, приблизилась к окну и отдернула кружевную занавеску. Прислонилась к холодному стеклу разгоряченным лбом и замерла. Так и стояла какое-то время – неподвижно, наблюдая, как стремительно светлеет, как четче становятся очертания деревьев, только и ждущие, когда их коснется первый луч солнца.

В голову лезли какие-то смутные образы, навевая щемящую тоску. Больше всего тревожил сон. С чем связано появление бабушки? Расплата за месть... Она уже три года висит надо мной, как Дамоклов меч. Если бы сейчас мне дали шанс все изменить, я без колебаний ответила бы отказом. В моей душе не было сожалений о содеянном. Большего наказания, чем потеря брата, для меня не существовало. А Мити уже нет.

Митя! От одного его имени в глазах зашипало, в горле появился комок. Словно и не было этих лет. Боль от потери

намертво засела под кожей, царапая острыми когтями мою и без того истерзанную душу. Что толку от всех этих знаний и умений, если не смогла уберечь самого близкого человека?! Зачем они мне? Ответить на этот вопрос мог один лишь Бог, но до него не достучаться.

Распахнув окно, я впустила в комнату утреннюю прохладу, наполненную запахом летних трав.

Вот уже почти три года я живу со Славкой. На этом настоял он, сказав, что для моей же безопасности. Странные у нас с ним отношения. Похожи на семейные, но мы не любовники. Хотя все окружающие в этом уверены, кроме друга Славки и, по совместительству, телохранителя – Игоря Кондратьева или просто Кондрата.

Сколько воды утекло, когда я пришла в кабинет к некому Северу за помощью, а помню, словно, все было вчера. Не понимаю, почему этот суровый мужчина до сих пор терпит мой вздорный характер. Упрямство, сумасбродные выходки и даже возникающие по моей вине проблемы, из которых он постоянно меня вытаскивает. И я считаю его своей семьёй, даже больше чем просто родственником. Звучит довольно странно, особенно, из уст человека, родившегося в многодетной семье. Но правда жизни такова, что, кроме брата, у меня близких не осталось, причем уже давно. Бывший криминальный авторитет, Северский Святослав Николаевич, заменил мне всех. Иногда кажется, что он мой настоящий отец, которого так не хватало в детстве. Ибо реальный

родитель лишь номинально присутствовал в моей жизни, да и то, когда изредка приходил с очередной попойки.

Семью, где я выросла, с натяжкой можно назвать дружной. Вечно занятая мама не успевала уделять одинаковое внимание всем семерым детям. Разве что самым младшим, но я в их число не входила. Сколько себя помню, особой любви я ни у кого не вызывала, кроме Мити.

У Северского же ни жены, ни детей. Он сам по себе. Правда, когда-то давно у него была невеста, которую он безумно любил, и из-за которой оказался в тюрьме. Но правду об этой трагедии знали двое – я и он. Слава не распространялся о прошлом, молча продолжал хранить память о любимой. Может, поэтому мы и сошлись, понимая горе друг друга. Взаимная симпатия, однако, не мешала нам бурно ругаться, выяснять отношения. Вот и вчера мы рассобачились на тему моего отъезда в тайгу…

Слава, все еще обиженный, но уже с признаками оттаивания в душе, вышел проводить меня до машины.

– Рада, всё равно ты зря отказываешься от охраны. Тревожно мне что-то. На кой чёрт переться в такую глушь за каким-то бурьяном, не понимаю?! Ну, возьми с собой хотя бы Кондрата.

Я представила себе эту картинку и весело рассмеялась.

– Ой! Слава! Зачем он мне там, а? Не смеши! Перестань дёргаться, мы же всё вчера решили. Никому я в тайге не нужна, поверь. Насобираю трав и через неделю вернусь обратно.

Ты и соскучиться не успеешь.

Я обняла за шею встревоженного мужчину, погладила впалую колючую щёку.

– Упрямая ты, зараза! – недовольно ворчал он. – Надо тебя замуж выдать, будешь мужу мозги пудрить. Старый я уже для этой канители.

– Слав, прекрати! Мне никто не нужен, кроме тебя. – Я прижалась к нему, положив голову на грудь. – Кто меня так защитит еще? Не-а, дураков нет, поверь!

– Эх, ты! Вроде с виду умная девка, а сейчас глупости говоришь! – Он отстранил меня за плечи и посмотрел в глаза. – Да все завидуют моей потенции, думают, ты моя любовница. А как смотрят на тебя, не замечала?! – Славка хрипло и коротко хохотнул. – Провожают такими взглядами, что хоть пожарных вызывай.

– Ага, как же! Славка, да они боятся мне руку пожать. Не говоря уже про другое. Сначала присматриваются, изучают, есть ли на мне перчатки… Ладно, Слав, мне пора. Обещай недолго засиживаться в офисе. И кури меньше, а то не расстаёшься с сигаретой.

– Рада, не зарывайся! Это ты у Генки нахваталась, да? Он мне всю плешь проел: не пей, не кури! Достал уже, эскулап хренов! Может ещё мне дышать через раз прикажет?! Тебе ли не знать, что от судьбы не уйдёшь и, если там, – он поднял высоко голову, – написано помереть мне, то даже в ядерном бункере «костлявая» найдёт. Ладно, девочка. Хва-

тит мои философствования слушать, езжай. Поезд ждать не будет. Как доберешься, позвони. Вот же чёрт! Что-то у меня душа не на месте от твоей авантюры с отъездом.

– Слав! Всё будет хорошо, увидишь. Пока!

Изобразив на лице уверенность, которую вовсе не ощущала, села в такси. Машина плавно тронулась с места, увозя меня на вокзал…

Дверь купе со скрипом отъехала в сторону, прерывая воспоминания. На пороге возник странный тип: маленький щуплый, лысый. Он нагло шагнул вовнутрь.

– Вы кто? Что вам нужно в моём купе? – возмутилась я подобному нахальству.

– Извини за вторжение, – съязвил он. – Меня просили передать тебе привет… от Беса! Помнишь его или напомнить?!

С трудом заставив себя не паниковать раньше времени, вдруг пронесёт, кивнула.

– Считай, что передал. А теперь освободи помещение, мешаешь, – я и сама поразилась холодному тону своего голоса.

– Э, нет дорогая! Не так быстро! Бес хочет тебя видеть!

– А я его нет! – сказала, как отрезала. – Можешь так и передать своему хозяину.

– Слушай ведьма, не выкобенивайся! Поехали, он ждёт. И лучше не зли меня! Тебе не понравится моя злость, – прищурившись, предупредил он.

– Ага, прямо сейчас, только шнурки погляжу и прибегу! –

съязвила я. – Нет, это ты меня послушай! Выметайся из вагона, пока я добрая. Бесу скажи, если ему приспичило лясы поточить, пускай сам приходит.

– Борзая, да? Ты, сука, совсем страх потеряла?! Быстро подняла задницу, и на выход!

От такого наезда я даже растерялась. Опомнившись, вскинула бровь и окатила незваного гостя презрительным взглядом.

– Чего?! Я смотрю это ты у насшибко смелый выискался!
Да стоит мне сейчас...

Из-за двери донёсся чей-то низкий мужской голос:

– Лис! Ну и долго ты с ней будет церемониться?! Харэ языком чесать! Бес ждать не любит.

А вот это уже плохо. Значит, этот сморчок не один! Только тогда я поняла, что попала. В голове пронеслись панические мысли, кисти рук похолодели.

Спокойно, нельзя поддаваться страху! Думай, Рада, думай! Надо дать Славе с Кондратом какую-нибудь зацепку, чтобы поняли, где меня искать и у кого. Господи, помоги, прошу тебя!

И тут неожиданно повисшую на секунду тишину купе прорезал звонок моего мобильного, лежавшего на столике.

Похититель напрягся всем телом и первым схватил телефон.

– Слава... – прочитал он высветившееся имя на дисплее. –
Блядь!

Аппарат в его ладони продолжал надрывно трезвонить. Тот лишь зажал его крепче, достал из-за пояса пистолет и направил его в мою сторону.

– Ответь! Но без глупостей! – угрожающе приказал он. – Ты же умная баба и не хочешь пострадать, да?

Я кивнула. Тот нажал кнопку приёма вызова и включил громкую связь.

– Але, Рада?

– Да, Слав. Что случилось?

– Ничего. Хочу спросить, может, всё-таки возьмёшь с собой кого-нибудь? Тут Кондрат кипищует, хотел к тебе ехать.

Я задрожала, еле сдерживая себя, чтобы не крикнуть: «Помоги!» Но умом понимала, что ничего это не даст. Он понятия не имеет, где меня искать. Надо было срочно придумать, дать хоть какой-то намёк.

– Нет, нет! Успокой Кондрата, он нервничает по поводу жены. Ты скажи ему, что с его любимой Ириной и её братом всё будет хорошо. Никого не нужно присылать.

Похититель довольно хмыкнул и жестом показал, что пора заканчивать болтовню.

Остаётся только надеяться, что Славка передаст Игорю мои слова о жене и по специальному допущенной ошибке тот обо всем догадается. Ведь жену его зовут не Ирина, а Инга и у неё нет братьев!

– Ладно, давай прощаться, Слав! Звони, целую!

– Я передам ему, – вздохнул Слава. – Всё девочка, как

будешь на месте, сообщи! Пока. Эй... – он хотел что-то ещё добавить, но не успел.

Наглый тип, которому надоел наш разговор, быстро нажал на сенсорный экран и сбросил вызов.

Глава 2

Джип стремительно удалялся от вокзала. Водитель, не сдерживаясь, матерился, поминая московские пробки. Сидя на заднем сидении, я безучастно смотрела в окно на проезжающие мимо машины. Отгородившись от похитителей глухой стеной равнодушия, только и надеялась, что Кондрат незамедлительно кинется выяснять, почему я в разговоре со Славой перепутала имя его жены, да ещё и несуществующего брата приплела. Слабая, но всё же хоть какая-то надежда.

Мне было страшно. Выйдя из купе и увидев двух амбалов, я отчетливо поняла, во что ввязалась. Ругаться, кричать, звать на помощь было бесполезно. И пусть, рук мне не заламывали, кляпом рот не затыкали и глаз не завязывали. Даже старательно поддерживали иллюзию цивилизованного разговора, после которого меня отпустят на все четыре стороны. Но я понимала, что это блеф. Никто меня не собирался отпускать, разве что только на тот свет.

Почему во мне жила такая уверенность? Причина проста – похищают с какой-то целью. Чаще выкупа. Но просить денег у Севера мог только камикадзе. А Бес не походил на самоубийцу. Он понимал, если на него падёт хоть малейшее подозрение, то место на кладбище ему, считай, заказано. Славка такого не прощает, тем более, если тронули меня. И я не понимала, что или кто толкнул Беса на это безумство?

Да, тогда, в Чечне, мы расстались не очень хорошо. Но прошло много времени, и до сегодняшнего дня о нём я ничего не слышала.

Покинув Москву, джип покатился по МКАД в неизвестном направлении. Через какое-то время свернул влево и выехался на неказистую дорогу. Спустя ещё несколько минут, мы остановились на въезде перед шлагбаумом. Нахальный сморчок, что ввалился ко мне в купе, нехотя вылез из машины и подошёл к охраннику на посту. После короткого разговора нас пропустили на огороженную территорию без проблем и досмотра.

Проехав по широкой асфальтированной дороге элитного посёлка, мы свернули в переулок. Через несколько метров авто остановилось возле высокого забора частного дома. Железные ворота бесшумно отворились, пропуская нас вовнутрь.

Руки похолодели, по позвоночнику мелкими колючими мурашками пробежал страх. Надеюсь, меня уже ищут, а если нет, то это конец. Ведь своих лиц они не скрывали, так же как и место пребывания. А это означает лишь одно – меня не боятся. Вернее, уже не боятся, потому что живой отсюда не выпустят.

– Выходи! Ну, скорее! – открыв дверь машины, потребовал амбал.

– Не нукая! Не запрягал! – огрызнулась я, не желая показывать страх.

Он попытался схватить меня за плечо и вытащить насильно, но вместо этого получил подзатыльник по бритой голове.

— Грабли убери! — возмутилась я. — Не смей меня лапать, придурок!

— Да кому ты нужна, истеричка! Не льсти себе, пигалица! Худущие малолетки, не в моём вкусе. Вылезай уже, харе ве-решать! — недовольно искривился амбал.

Я быстро выскочила из салона автомобиля и со всей силы захлопнула дверцу.

— Лис! Забери эту стерву, а то она меня достала! — крикнул амбал сморчку, который стоял чуть поодаль, оживлённо болтая с кем-то. — Вот скажи, откуда столько гонора в такой малявке?!

Лис усмехнулся и подошёл к нам.

— Да, эта пигалица, как ты её назвал, стоит намного больше, чем мы все вместе взятые. Не зря же Бес столько отвалил за информацию о ней, — кивнул он в мою сторону. — Иди за мной, он тебя уже заждался.

Услышав это, я напряглась. Значит, кто-то следил за мной? А я, дура самоуверенная, ничего не заметила! Чувствовала же атмосферу, звенящее напряжение вокруг. Я мысленно обругала себя за глупое поведение. Надо было послушать Славку, взять с собой Кондрата. Упрямая идиотка! Ведьма называется, дальше своего носа не вижу!

За мыслями не заметила, как приблизились к дому. Обычный, двухэтажный, ничего особенного. Миновали простор-

ный холл и, обогнув витую лестницу, ведущую на второй этаж, остановились напротив массивной двери.

– Заходи! – пихнул меня в спину сморчок, распахивая дверь.

– Ещё раз толкнёшь, пожалеешь, – прошипела я и вошла в кабинет.

Замерла на пороге, окинув взглядом комнату. Дорогая мебель из тёмного дерева, шкафы, набитые книгами в элитных переплётах. Кожаный диван и широкие кресла. Прямо напротив входа одиноко стоял стул, явно предназначенный для меня. Сладковато пахло сигаретами. Глубоко вздохнув, гордо выпрямила спину и шагнула внутрь помещения.

– Ну, здравствуй, Рада! Я так долго ждал этой встречи и, наконец, дождался, – ехидно, с долей превосходства раздался голос Беса.

Я разглядела лишь кисть его руки с дымящейся сигаретой, пока он резко не развернулся ко мне, сидя в кресле за массивным столом.

– И тебе не хворать, Бес! Как говорится, обещанного ждут три года, значит подошёл срок, – язвительно заметила я и, подойдя к стулу, опёрлась на спинку руками. – Только не знаю, зачем ты ждал так долго. Раз хотел пообщаться, в чём проблемы? Или разыскать меня в Москве не мог?

– Вижу, за это время гонора в тебе не убавилось! Такая же наглая, дерзишь. Не боишься? – усмехнулся он, затягиваясь сигаретой.

– Нет, ничуть, – сладко улыбнулась я. – Давай оставим китайские церемонии и перейдём к делу. Говори, дорогой, что хочешь от меня?

– Ну, как знаешь, – пожал он плечами. – Я много чего хочу, а ты мне поможешь.

– Да?! Интересно! С какого перепуга ты считаешь, что я буду тебе помогать?! – в недоумении я вскинула бровь. – А ещё говоришь, я наглая.

– М-да! Слишком Север тебя избаловал, придётся мне заняться твоим перевоспитанием, – с нарочито сокрушённым видом покачал он головой.

– Поздно перевоспитывать. Старую лошадь новым трюкам не научишь. Может, наконец, скажешь, зачем я тебе понадобилась?

– Ладно! Скажу, раз не хочешь беседовать. Хочу занять место Севера.

– Что?! Бес, ты совсем умом двинулся?! Помогать тебе? Никогда! – возмутилась я.

Он встал из-за стола, подошёл ко мне, зло ухмыльнулся.

– Вот что, ведьма! Не зли меня, а то отдам тебя людям Доку! Не забыла такого? Они уже давно мечтают познакомиться с тобой поближе!

Внешне я постаралась сохранить спокойствие на лице, но внутри всё звенело от напряжения.

– Ты, думаешь, я вникаю в его дела? Ошибаешься! Слава меня не посвящает в это, так что даже при великом желании

помочь не смогу, – обогнула я стул и села, закинув ногу на ногу.

– Врёшь, сука! – со злостью выплюнул он. Рванул из кресла, схватил меня за волосы и больно дернул, заставив смотреть в перекошенное от гнева лицо. – Думаешь, я поверю, что старый хрен, который тебя трахает, ничего с тобой не обсуждает? Или думаешь, я шутить с тобой буду?! Хочешь повеселиться, сейчас устрою! Мальчиков позову, устроим «субботник».

Посмотрев в его глаза, я заметила расширенные зрачки и поняла, что смутило меня в сладковатом дыме. Анаша! Вот что он курил. Чёрт! Только обкуренного идиота не хватало для полного счастья!

Страх липкими щупальцами прополз по коже, заставляя похолодеть изнутри. С наркоманами даже мне становится не по себе. Затуманенный этой дрянью мозг невозможно контролировать. Такие способны на все. Стараясь не выказывать страха, я нагло усмехнулась.

– Завидуешь Славке, да? Что не ты на его месте, а? – цинично рассмеялась я. – Зови, мальчиков! А то скучно у тебя здесь, как в гробу!

Он явно не предвидел такого поворота, ожидая совершенно другой реакции. Несколько секунд растерянно смотрел мне в лицо, притянув к себе ещё сильнее за волосы. Я стиснула челюсти от боли, но постаралась не показать ему этого.

Затем опомнился, зло прошипел:

— Я всегда знал, что все бабы шлюхи. Им бы только член потолще, да подлиней. Интересно, а Север знает, что его любовница любит групповушку?! Лис!

Дверь в кабинет приоткрылась, и появился сморчок.

— Звал?

— Пригласи желающих развлечься. А то нашей даме, — при этом слове он презрительно скривился, — скучно!

— Как скажешь, Бес! Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Лис, я не нуждаюсь в советчиках! Иди, выполняй!

Тот лишь пожал плечами, кинул взгляд на меня и молча вышел.

Отпустив мои волосы, Бес отошёл к столу и прислонился к столешнице бедром. Я старалась сохранять спокойствие, мысли же со скоростью звука проносились в голове.

И что теперь? Зачем я это сделала? Чем остановить или напугать толпу озабоченных мужиков? Взгляд упал на стол. На краю стоял стакан с водой. В голову пришла шальная идея. О, боже! Спасибо тебе! Только бы всё получилось! Один раз ради шутки я пробовала разбить стакан силой мысли, и вот теперь у меня есть только одна попытка. Если всё правильно разыграть, то вряд ли у мальчиков возникнет желание развлекаться.

Между тем, в комнату ввалилась толпа мужчин, человек восемь, с азартно горящими глазами.

Повернувшись на стуле к вошедшим и стараясь не показывать свой страх, спросила:

– Мальчики, а вы меня не боитесь?

Раздался дружный хохот, и один из них ухмыляясь, ответил:

– Не-а, не боимся. Чего тебя боятся?

– Да так, говорят, я – ведьма.

– Гы, гы! Удивила! Все бабы ведьмы! Ты зубы не заговаривай, не поможет! Не бойся, маленькая! Тебе понравится, мы таких крошек любим! – подмигнул он своим дружкам.

– Мальчики, зря вы не боитесь. Смотрите на стакан. Представьте, что это ваш член.

Они продолжили гоготать и раздевать меня взглядами.

Я же сосредоточилась на стакане с водой, собрав все силы и злость. Представила их в виде энергетического шарика и направила его в стакан. Через секунду он разлетелся на мелкие осколки, засыпав столешницу, пол и даже опешившего Беса градом воды и стекла.

На мгновение все находившиеся в комнате замерли, переваривая произошедшее, не веря глазам. Затем по лицам парней прокатилось изумление и недоверие, суеверный шок.

– И ещё одно, мальчики. Прежде чем вы решитесь рискнуть здоровьем, хочу спросить, знаете Доку Загаева и его братца?

Живя среди мужчин, я изучила их повадки. Порой они такие же сплетники, как и женщины. А судьба этого гада наверняка уже обросла небылицами и стала притчей во языцах. И теперь она должна помочь мне.

– Ты имеешь ввиду покойника? А причём здесь он? – поинтересовался кто-то.

– Да, его, – кивнула я. – Наверно, все в курсе, как он умер?! Он меня обидел и поплатился за это сполна. Среди вас есть добровольцы, которые хотят передать ему привет от меня лично? Если поимеете меня, обещаю каждому такую смерть, от которой сдох этот шакал!

– Чё вы её слушаете! Она всего лишь болтает, а вы, как сопливые малолетки, уши развесили! – вмешался Бес, видя, что его люди растеряли боевой пыл. Со злостью хлопнул по столешнице рукой и смёл с неё поднос с чашками. – Вы, что, её боитесь?! Эту шулершу, которая показала вам фокус, и вы нассали в штаны?!

– Не верите?! – с издёвкой в голосе усмехнулась я. – Тогда зачем чеченцы хотят меня видеть и платят тебе за это, если всё враньё и бабские рассказни?!

Старалась максимально спокойно смотреть на сомневающихся мужчин, не выдавать страха. Малейшее его проявление, и хрупкий план полетит к чертям. Несколько секунд показались мне часами.

Скрывая радость, я заметила, как они дрогнули, поверили в то, что их ждёт неминуемая мучительная смерть, если решатся на изнасилование.

– Знаешь что, Бес, разбирайся со своей девкой сам! Нам ещё жить охота, а если ты не веришь её словам, то можешь сам попробовать. Пошли отсюда, они без нас разберутся, –

высказался за всех один из подчинённых авторитета.

Сам Бес порывался что-то сказать, но его никто уже не слушал. Мужчины быстро удалились, прикрыв за собою дверь.

– Браво!

Я обернулась. Бес ухмылялся во всю ширь и громко хлопал в ладоши.

– Знаешь, ведьма, ты меня удивила. Теперь понимаю, за что Север тебя так ценит. Такой балаган устроила. Любо-дорого посмотреть! Куда там голливудским актрисам, они с тобой и рядом не стояли! Надо же, как справилась с моими пачанами, развела их мастерски. Даже я на какую-то долю секунды поверил в ту ерунду, которой ты их пугала. Можешь своё шоу открывать. Успех гарантирован, зрители будут в восторге.

– Хм! Интересно! А почему это ложь?

– Рада, скажи, по-твоему, я похож на Дауна?! Да будь у тебя хоть половина того, о чём ты сейчас втюхивала этим идиотам, мы бы уже не беседовали. Ну ладно. Повеселились и хватит. Пришла пора нам серьёзно побазарить.

Я прошла вглубь комнаты и снова села на стул. Скрестив руки на груди, всем видом показала, что готова его выслушать.

– А вот теперь слушай меня внимательно. Ты мне поможешь, если, конечно, дальше хочешь жить, – хмыкнул он. – Или ты думаешь, я тебя отпущу на свободу? Чтобы Север

узнал, кто под него роет и наведался в гости?

– Спасибо, но я не буду тебе помогать.

– Ты подумай, время ещё есть. Искать тебя здесь не будут. Никому даже в голову не придет подозревать меня. Ну поищут они месяцок-другой и, допустим, найдут твой хладный труп. Это в том случае, если ты и дальше будешь кобениться!

В дверь громко постучали.

– Входи! Что случилось?

– Да, тут охранник Ирины звонит.

– Так, опять она наверно очередной фортель выкинула. Давай трубу, – с тяжёлым вздохом Бес прошёл мимо меня и взял рацию. – Слушаю, что на этот раз она сделала?

– Ты только не бесись, но мы не можем её найти.

– Где вы?!

– В каком-то торговом центре, как же его... чёрт возьми... бутике! Она шмотки решила купить, пошла примерять и всё! Как в воду канула!

– Мать вашу! Вы там чё совсем мозги растеряли?! Ищите!

– Но Бес...

– Я сказал, ищите! Наверняка, она ещё в другой бутик побежала, пока вы там на тёлок слюни пускали! Искать, бараны! – приказал он и отключился. – Лис, твои люди в конец обнаглели! Разберись с ними! Уже не могут Ирку найти, ведь знают, что она может сбежать.

На столе ожил мобильный, заставив меня вздрогнуть.

– Могу поспорить, это Ирка звонит. Сейчас начнёт гру-

зить подробностями, что купила, и какие охранники дебили, – обрадовался Бес, пропав к телефону.

Взглянув на экран, улыбнулся, кивнув головой, ответил:

– Да, Ирка! У тебя совесть есть или как?! Стоп! А это кто? – нахмурившись, спросил он. – Чево?!

По меняющемуся выражению лица Беса становилось понятно, что звонивший – явно не его сестра.

– Да, я понял тебя. Знаю, где это. Буду там, – он говорил напряженно, шипя сквозь сжатые челюсти. От этого скулы его выпирали сильнее обычного. – Хорошо, через час.

Как только звонивший отключился, Бес с ненавистью отшвырнул телефон в сторону. Тот попал в книжный шкаф. Стеклянная дверца разбилась, и осколки со звоном посыпались на паркет.

– Лис, твою мать! У нас крот завёлся?!

– Нет!

– Тогда объясни мне, откуда Север знает, что его девка у нас?!

– Не знаю! Может, он блефует?

– Ага, щас! Этот хрен звонил с Иркиной мобилы, угрожал! Сказал, если не вернём её, то Ирку убьют, а перед этим трахнут на камеру и пришлют мне видео! – бешено орал он от бессилия. – Где ты прокололся?! Может, вас кто-нибудь засёк из людей Севера?! Ну, вспоминай!

– Не может быть! Мы специально не спешили, смотрели по сторонам. Там никого из его людей не было, за базар от-

вечаю!

– Тогда, как он узнал?! – схватив подельника за грудки, Бес ударил его кулаком в челюсть. Тот с грохотом завалился на столешницу, сметая всё, что находилось на ней.

Впервые я видела невменяемого человека, который вымешал свою злость на подчинённом. Смотреть на это было страшно. Бес избивал Лиса жестоко. Казалось, ещё немного, и он убьёт его. Страх за жизнь человека вынудил меня на не совсем продуманный поступок.

– Хватит! Он не виноват, это я предупредила! Кирилл! – крикнула я, видя бешеные глаза Беса.

– Что?! – он замер, а затем, бросив окровавленного Лиса, подскочил ко мне. – Как ты могла предупредить Севера?

– Да, очень просто. Когда твои люди ввалились ко мне в купе, позвонил Слава. Этот, – я кивнула в сторону избитого, – приказал ответить на звонок. Вот я и воспользовалась моментом.

– Ах ты, сука!

Его гнев перекинулся на меня. Он с размаху ударил меня по лицу. Ослепляющая боль пронзила голову. Снова удар. От него я отлетела к шкафу, царапаясь об осколки стекла. Казалось, сейчас мозг взорвётся от боли. Руки кровоточили от множества впившихся в них осколков. Очередной удар ногой отправил меня в забытьё.

Не знаю, сколько находилась без сознания, но когда очнулась, тело болело нещадно, дышать могла через раз, каждый

вздох отдавался болью в груди. Кто-то снова усадил меня на стул. С трудом приоткрыла один глаз, зрение поплыло. Звуки слышались приглушённо, как через подушку. Тошнило, и во рту стоял вкус крови.

Обрывки фраз не достигали сознания, вызывая лишь смутные ассоциации. Приложив невероятные усилия, я приподняла голову и наткнулась мутным взглядом на маячивший перед лицом предмет. Когда удалось сфокусировать зрение, поняла, что это оружие.

Глава 3

Тихий щелчок предохранителя возле уха привел немного в себя. Холодное дуло пистолета упёрлось в висок. Ну, вот и всё. Через секунду я умру, и тогда в душе наступит желанный покой.

Как ни странно, вместо всепоглощающего страха перед смертью в голове присутствовали лишь пустота и смирение. Говорят, что в последнюю секунду перед внутренним взором умирающего пролетает вся его жизнь. Вот и со мной произошло то же – забытые образы прошлого возникли в памяти, как будто это было только вчера. Детство, которое слишком рано закончилось, и тот злополучный день, с которого моя судьба сделала крутой вираж.

Маленькая ничем непримечательная сибирская деревенька, домов на тридцать, располагалась вдали от городов. С двух сторон раскинулся таёжный лес. Рядом, через просеку, приютилось живописное озеро, с плакучими ивами по берегам и ярко-зеленым папоротником. Вода в озере была прозрачная и прохладная…

Одннадцать лет назад я и не помышляла о том, что меня будут бояться, и называть ведьмой. Про свой дар тогда не знала, и занимали меня совсем другие проблемы. Но даже тогда самым близким мне человеком был Митя. В какие бы переделки я не попадала, он всегда защищал и любил ту

взбалмошную девчонку с тёмными косичками.

Жила наша многодетная семья бедно, в старом деревянном домике. Четыре комнатки и большая русская печь с лежанкой. Был ещё старенький чёрно-белый телевизор – вот и всё наше богатство.

Все деревенские ребятишки любили летом бегать на озеро купаться. Родители, конечно, были против, но разве за всеми уследишь! Да и особо не беспокоились, ведь девчора хорошо плавала, и знала озеро как свои пять пальцев.

В тот год лето выдалось на редкость жаркое и засушливое. Помогая Диме, или Мите, как все его звали, поливать грядки с овощами, я мечтала лишь об одном – быстрее сбежать с подружками на озеро. У нас уже был уговор: уйти втихаря и вдоволь насладиться прохладной водой, которая, как магнит, притягивала нас.

Взяв с меня слово, что вернусь пораньше, Митя отпустил меня с доброй улыбкой. Я обрадованно умчалась со двора.

Шагая с подругами по проторенной тропинке, мы весело щебетали и смеялись. Старенькое ситцевое платьице на мне раздувал жаркий летний ветерок. Так, за разговорами, мы незаметно пришли к озеру. Подружки расстелили взятое из дома покрывало и разложили на нём еду: сырую картошку, помидоры и хлеб. Затем мы разожгли на берегу небольшой костёр и начали печь картошку.

– Вот смотрю я на тебя, Рада, и думаю, на кого ты похожа? – завела свои обычные рассуждения Ира. – У вас в семье

все светловолосые, а ты чёрная, как цыганка. Хотя, нет! У них кожа тёмная, а у тебя белая...

В ответ я лишь пожала плечами и тяжко вздохнула.

– Не знаю, Ир. Отец говорил, что я похожа на его прабабушку. И глаза у меня непонятного цвета, – глянула я на свое отражение в стоячей озёрной воде.

Оттуда на меня смотрела худенькая девчушка с тонкими мышиными косичками, нахмуренными бровями, большими глазами непонятного тёмного цвета и белой просвечивающей кожей. В общем, одно расстройство.

Внезапный порыв холодного ветра заставил нас посмотреть в небо. Только что светило яркое летнее солнце, как вдруг всё изменилось. Тучи затянули небо, по водной глади побежала рябь. Как-то стало не по себе от этих перемен.

Мы хотели уже пойти по домам, когда Галя предложила:

– Трусихи вы! Ветерка испугались, что ли? Давайте напоследок разок окунёмся и по домам. А то что – зря приходили сюда?!

Мне почему-то не хотелось идти в воду, но и прослыть трусихой тоже приятного мало.

Девчонки не стали меня ждать, и уже отплыли на довольно-таки приличное расстояние от берега.

Немного потоптавшись на месте, я всё-таки решилась – быстро сняла платье и шагнула в озеро. Поплыла к подругам, но в какой-то момент потеряла их из вида. Тут мне впервые стало жутко... Оглянувшись назад, поняла, что нахожусь да-

леко от берега. Тело налилось свинцом, судорога сковала ноги, как будто кто-то стал тащить меня на дно... Я пыталась сопротивляться, но быстро устала и, нахлебавшись воды, пошла ко дну.

Приходила в себя постепенно. Странные, непонятные и порой пугающие образы посещали голову. Незнакомые люди появлялись и молча стояли возле меня. Старые и молодые. Я точно знала, что все они мертвые. Их пустые бесцветные глаза смотрели на меня с отчаянием и мольбой, только зачем они пришли, было непонятно.

Издалека послышался тихий женский шёпот, он звал меня:

– Радмила... Радмила... Радмила...

Голос постепенно приближался, и в этой жуткой толпе я увидела её.

Женщина отличалась от остальных. Её лицо осветила добрая улыбка, когда увидела меня.

– Ну, вот я и нашла тебя, девочка! – приблизилась она ко мне.

Теперь я её смогла хорошо рассмотреть. На вид ей было лет пятьдесят-шестьдесят. Длинные седые волосы, круглое лицо, высокий лоб, чёрные прямые брови, тонкий, с небольшой горбинкой нос и красиво очерченные губы. Одета она была в тёмное длинное платье без всяких украшений. Но больше всего меня поразили глаза. Необыкновенные, большие, зелёные, как первая весенняя трава. И даже лучики

морщинок в уголках не старили их, а лишь придавали немногого лукавый вид.

— Где я? Митя, мама... где все? Вы кто? Откуда знаете меня?

— Пойдём со мной, Радмила. Я тебе всё расскажу, только не здесь. Тебе ещё слишком рано сюда.

Она протянула руку и с мольбой смотрела на меня. Я подала ей свою, и в следующую секунду мы оказались на лесной поляне, сплошь усеянной белыми с жёлтой сердцевиной подснежниками.

— Как? Этого просто не может быть! — удивилась я. — Подснежники цветут только весной, а в августе — нет!

— А в этом году возможно. Это мой подарок тебе, Радмила. Что бы ты ни думала, это не сон и не явь. Прими как неизбежность: теперь ты не просто девочка. Ты — моя ученица. Жаль я не успела познакомиться с тобой при жизни, — вздохнула с сожалением она.

— Я что — умерла? — на глаза невольно навернулись слезы.

— Нет. Ну что ты! Это я умерла, не успела передать свой дар. Мне некому было его отдать. Твоя мать обещала привести тебя ко мне, но не выполнила условия.

— Бабушка, а вы кто?

Она улыбнулась и, развела руками.

— Называй меня Вера, и я — ведьма. Ты боишься меня?

Она меня не пугала, скорее наоборот. Добрая, миловидная женщина, с необыкновенными глазами. В голове никак

не укладывалось, что она ведьма.

– Нет, я вас не боюсь, – улыбнулась я. – Но как вы будете учить меня, если умерли?

– Не беспокойся об этом, я знаю как. Только мне нужно твоё согласие. Что скажешь, Рада?

– Странная вы ведьма – спрашиваете моего разрешения...

Она улыбнулась.

– Рада, ведьма – это от старинного слова «ведать», значит «знать». То есть я – знающая, а вот колдуны – это плохо.

– Я буду такой же, как вы?

Женщина кивнула.

– Согласна?

– Да, но это, наверное, трудно? – с опаской спросила я.

– Я тебя научу всему, что знала. Только ты должна слушать меня. И ещё одно: люди нас не любят и боятся. Они будут приходить к тебе за помощью, но любить не будут. Даже твоя семья, кроме брата. Тяжело знать, когда умрёшь ты, семья, друзья, и ничего нельзя сделать... – с горечью и сожалением предупредила она.

На поляне, где мы стояли, появился силуэт мужчины. Он приближался, направляясь прямо ко мне. Размытость пропадала. Я как зачарованная смотрела на него. Вера тоже его заметила и, недовольно хмыкнув, сказала:

– Пойдём, тебе нужно вернуться. Рада, посмотри на меня! Тебе ещё рано с ним знакомиться. Потом узнаешь, когда время придёт.

Она потянула меня за руку в противоположную от незнакомца сторону. Последнее, что рассмотрела – это тёмные волосы. Слабый ветерок донёс его запах – какой-то терпкий, чуть солоноватый и невероятно родной. Захотелось прижаться к этому мужчине и уже не отпускать. Но, увы, Вера настойчиво тянула меня в сторону. Всё исчезло, только неприятный писк резанул слух.

Очнувшись, я попыталась открыть глаза. Удалось только с пятой попытки, и то не до конца. Я лежала на кровати. В комнате всё было белым: стены, простынь, которой меня укрыли, непонятный прибор – именно он раздражающе пищал. Посмотрев на приоткрытую дверь, я услышала стук каблучков и приглушенные голоса. Разговаривали две женщины.

– Бедная девочка, уже семь дней лежит без сознания. Вот, что значит многодетная семья. Родители не успевают контролировать детей. Как подумаю об этом, так слёзы наворачиваются. Ведь её одну только и нашли, а других до сих пор ищут.

– Мда-а-а… Её брат нашёл. Он первый забил тревогу, когда они не вернулись с озера. Ещё неизвестно, сколько она пробыла без воздуха, и какие могут быть последствия.

Одна из медсестёр в голубом халате и такой же шапочке посмотрела на меня через открытую дверь и ахнула:

– Ой! Девочка, ты очнулась! Наташа, беги, позови скорее Виктора Михайловича! Скажи, что его пациентка очнулась!

Вторая девушка поспешно скрылась из вида, лишь по ко-

ридору гулко разнеслись её торопливые шаги.

– Привет, ты помнишь, что с тобой произошло? – приблизилась ко мне медсестра.

Я попыталась сесть, но что-то больно укололо руку на сгибе, да и сил не было даже просто пошевелить пальцами.

Дверь в палату резко распахнулась, и в неё буквально влетел высокий пожилой человек в белом халате нараспашку. У него были короткие седые волосы, скуластое лицо.

Он улыбнулся и присел на край кровати.

– Я врач. Ты помнишь, как тебя зовут?

Я облизнула пересохшие губы и попыталась ответить, но это оказалось невероятно тяжело.

Доктор взял с прикроватной тумбочки стакан с водой и поднёс к моим губам, поддерживая мою голову. Я сделала несколько глотков.

– Ну, вот теперь скажи мне что-нибудь, – попросил он.

– Дяденька врач, а где Митя и мама?

Доктор радостно кивнул медсестре, и она вышла за дверь.

– Они скоро придут. Ты нас очень напугала. Прямо как Спящая Красавица. Мы все за тебя переживали и ждали, когда ты проснёшься. Твой брат здесь уже. Который день ходит, испереживался весь.

Я чуть-чуть пошевелись и невольно охнула, когда в руку снова что-то кольнуло.

– Так, лежи и пока не двигайся, – строго велел врач. – А то капельница выскочит. Рада, расскажи мне, что последнее

ты помнишь перед тем, как проснулась.

Я внимательно посмотрела на доктора и задумалась. Вспомнила побег на озеро и всё остальное тоже, вплоть до того момента, как стала задыхаться и тонуть. Только тут я осознала, что сказали медсестры. Мои подружки мертвы! К горлу подступил комок, глаза наполнились слезами, которые тут же градом покатились по лицу. Тело затрясло, как в лихорадке. Надоедливый прибор тут же снова запищал. В палату влетела встревоженная медсестра со шприцем в руке.

– Катя! Быстро успокоительное! – приказал врач.

Я почувствовала укол, и вязкая тёмная пустота моментально поглотила меня.

Глава 4

В следующий раз я очнулась и силилась вспомнить, снилось ли мне что-нибудь. Легко открыла глаза и сразу увидела спящего на стуле Митю. Несколько секунд просто смотрела на него, пока в палату тихо не вошёл тот самый доктор, что разговаривал со мной в прошлый раз.

– Доброе утро, Рада. Вижу, сегодня ты выглядишь значительно лучше, чем позавчера, – снова присел он на край кровати. – Твой брат умаялся за ночь. У тебя вчера был переломный момент: высокая температура и сильный жар. Нам только к утру удалось сбить его. Ты металась в бреду, а он, – кивнул он на Митю, – так устал бороться с тобой за ночь, что, когда всё пришло в норму, заснул прямо на стуле, – улыбнулся доктор. – Ну, а теперь, давай спокойно и без нервов рассказывай. Что помнишь, где побывала?

Я удивлённо посмотрела на врача, а он только усмехнулся и продолжил:

– Вижу по тебе – угадал. Думаешь, раз пожилой доктор, то не поймёт? А я за столько лет здесь на многое насмотрелся и наслушался про всякие видения с того света. Когда тебя привезли сюда, то все подумали, что ты вряд ли выживешь. Сердце останавливалось и целых шесть минут не билось! Это очень много, но ты, наверно, хотела жить, и вернулась. А для начала давай познакомимся. Меня зовут Виктор

Михайлович.

Он протянул мне широкую ладонь, и я пожала её.

– Я – Радмила, – представилась я.

Он кивнул.

– Знаю, интересное у тебя имя. Ну, а теперь рассказывай, что с тобой было.

– Виктор Михайлович, ничего особенного. Я была в какой-то толпе незнакомых людей и всё.

Я решила рассказать только начало сна. Про встречу со странной женщиной промолчала. Ни к чему было врачу знать правду, а то подумал бы ещё, что я дурочка. Уж больно он был приветливый, даже слишком. Это и насторожило меня.

Тогда я впервые доверилась своей интуицией. Со временем стала гораздо чаще прислушиваться к ней.

На лице доктора читалось явное разочарование. Но он быстро справился с собой и постарался быть ещё более добрым и весёлым.

– Так-так, Рада. Жаль. Я думал, что ты расскажешь мне интересную историю. – Он развел руками и с притворным вздохом сожаления поднялся. – Сегодня тебя переведут в обычную палату, и если не будет рецидива, то скоро ты пойдешь домой.

Я в недоумении посмотрела на доктора и спросила:

– Виктор Михайлович, а что такое рецидив?

– Ерунда. Думаю, тебе это не грозит. Нервы крепкие, бре-

да нет и вообще ты очень разумная девочка, – объяснил он.

Тут проснулся Митя. Он радостно соскочил со стула и быстро шагнул ко мне, но внезапно остановился и, растерянно посмотрел на доктора.

– Что случилось с глазами Рады?!

Врач отпустил ручку двери, за которую держался, собираясь выйти. Повернулся, подошёл снова к кровати и ответил:

– Ничего, у твоей сестры очень необыкновенный и красивый цвет. А что такое?

– Но у неё не было зелёных глаз, – возразил брат.

– Рада, а ты меня хорошо видишь? – встревожено спросил Виктор Михайлович.

– Да, конечно, – кивнула я.

– Ну, так бывает из-за перенесённого стресса. У людей происходят различные изменения. Скажу офтальмологу, чтобы проверил зрение твоей сестры. Я, во всяком случае, каких-либо патологий не вижу. Вполне возможно, что постепенно её цвет вернётся, и не стоит так трагически всё воспринимать, – успокоил он Митю.

Брат облегченно выдохнул, улыбнулся и подошёл ко мне. Присел на корточки и крепко обнял меня.

– Рада, как же ты нас всех напугала. Больше на озеро ни ногой, поняла? – нарочито строгим голосом сказал он.

Я лишь сильнее прижалась к нему и шмыгнула носом.

– Никогда-никогда, обещаю. Мить, а мама где?

Брат погладил меня по голове.

— Мама сегодня приедет вместе Аней. Она должна была сменить меня здесь. Но раз доктор сказал, что тебя скоро выпишут, то ей уже необязательно оставаться в больнице.

— Митя, а что с Ирой и другими? — спросила я его, и почему-то повеяло холдом, и моя кожа покрылась противными мурашками.

— Ты знаешь, да?! Откуда?

Я тяжело вздохнула, посмотрев на белую стену, и призналась:

— Случайно услышала разговор медсестёр, что ты меня нашёл. А их до сих пор ищут.

— Успокойся, сестрёнка! Сделанного не воротишь, только странно: вы же хорошо плавали. Как такое могло случиться?!

Только я подумала поделиться с Митеи своими сомнениями и догадками, как в палату вошли два врача и медсестра. Нам пришлось прервать разговор до следующего раза.

Офтальмолог долго и тщательно осматривал мои глаза. Потом сказал, что ничего противоестественного не находит.

Виктор Михайлович объявил, что держать меня долго в больнице не имеет смысла. Если в течение двух дней не будет ухудшения, то, скорее всего, меня отпустят домой.

В этот же день меня перевели в общую палату. Когда приехали мама и сестра, я находилась одна в шестиместной комнате. Огромное давящее помещение с неизменно белыми стенами, очень высоким потолком и большими окнами. Одинокая лампочка тускло светила где-то под самым потолком.

Дверь с тихим скрипом отворилась. Вошли мама и Анна.

– Ну, привет, утопленница! – язвительно поздоровалась сестра. – Всех на ноги подняла, не стыдно?! А теперь сидишь, сама невинность.

Мама медленно повернулась к Анне и негромко, но строго сказала:

– Замолчи сейчас же! Это тебе должно быть стыдно, Аня! Рада болеет, а ты смеешься так говорить!

Сестра лишь опустила голову, чтобы мама не увидела её злую мину, и глубоко вздохнула.

– Мамочка приехала! – на всю палату вскрикнула я, и голос мой эхом прокатился по пустой палате.

Спрыгнув со скрипучей кровати, я кинулась к ней, прижалась и обняла за талию.

– Мамочка, я по тебе скучала! – со слезами в голосе прошептала я.

Позади меня раздались шаги Мити. Мама обняла нас обоих и рассказала:

– Мы, как только узнали, что Рада очнулась, сразу собрались к вам и приехали. Ну, и как вы здесь без меня? Что доктор говорит?

– Да всё нормально. Вот только глаза... – Брат запнулся.

– Что?! Неужто Радка окосела? – опять язвительно подколола сестра и рассмеялась. – Вот будет потеха!

Если бы тогда я обладала своими способностями в полной мере, то Анна не сошла бы с места живой. Настолько разо-

злённой и обиженней я была в тот момент. Оторвавшись от мамы, я пристально посмотрела на неё. Продолжая смеяться, она поймала мой взгляд. Веселье резко оборвалось, сестра в испуге шарахнулась от меня.

— Она… она… — запинаясь, пыталась она что-то сказать. — Ведьма! Как бабка Верка из соседней деревни. Это она и утопила подружек.

Мама прикрикнула на Анну:

— Опомнись, дочка! Как ты можешь говорить про сестру такое! Замолчи!

Но та не унималась, всё повторяя:

— Ведьма, это она их убила. Теперь я сестра ведьмы. Кто же меня замуж возьмёт?

Лишь когда Митя подошёл к ней, дал ей затрещину, истерика прекратилась. Она замолчала, но все продолжила с ненавистью смотреть на меня.

Глава 5

Позднее мне много раз неслось в спину это слово – ведьма... Оно следовало за мной, как чума или проклятие. Но тогда было обиднее всего, ведь впервые его произнесла моя родная сестра. И именно с того переломного момента началась моя новая жизнь. Но поняла это я значительно позже, когда между мной и остальными людьми образовалась пропасть. И хотя мама попыталась защищать меня от нападок Анны и не показывала страха, я чувствовала и её отчуждение тоже.

Заставив себя разжать руки, я отошла от сестры и непривычным, лишённым всяких эмоций голосом произнесла:

– Аня, ты с ума сошла, да? Я твоя сестра, ты знаешь меня с рождения. Какая ещё ведьма?!

Митя положил свою руку мне на плечо, в знак поддержки. Его доброта и искренность окутали, словно одеяло, помогли снять холод. Сестра же, заметив такое отношение Мити ко мне, разозлилась пуще прежнего.

– Ты мне не сестра! – прокричала она на всю палату. – Рада умерла! А ты всех утопила, ведьма! Бедная моя сестричка, как же теперь мы без неё?! Я не буду жить с этой... – Она запнулась, а потом продолжила причитать: – Ой-ё-ёй!.. И на кого ты нас покинула?!

Глядя на спектакль, устроенный Анной, я невероятным

усилием воли подавила дикое желание рассмеяться. Если бы не заглянувший в палату на шум доктор, даже не знаю, чем бы закончилась эта семейная встреча.

Вбежавший врач растерянно посмотрел на истерящую сестру и громко велел:

– Это ещё что за спектакль?! Немедленно вон из помещения! Я-то думал, что вы приедете поддержать ребёнка, а вы устроили балаган! Вон, я сказал!

Притихшие родственники в ту же секунду выскочили за дверь и аккуратно прикрыли ее за собой.

– Ну, а ты почему стоишь босиком на холодном полу? Марш в кровать ложись, простудишься! – отчитал меня доктор.

Повернувшись спиной к Виктору Михайловичу, я машинально подошла к кровати. Молча забралась в нее, укутаясь в одеяло, подтягивая колени и прижимаясь к ним лбом. На Митю я тоже не смотрела. Слышала лишь, как доктор сказал тому:

– М-да-а-а... Судя по тому, что я слышал здесь, трудно будет Раде жить в вашей семье. Чего только стоит одна эта девица-истеричка! Она не оставит твою сестру в покое. Даже не знаю, что посоветовать... Но в такой обстановке долго она не выдержит.

Стиснув до боли зубы, я продолжала молча сидеть, глядя на противоположную стену. Такое чувство, словно тогда во мне умерло что-то светлое, а место его заняли холодная пу-

стота и безразличие. Больше я не прислушивалась к их разговору, очнулась, когда тёплые руки брата сжали мои плечи.

– Рада, ты чего? Плачешь что ли?

Я мотнула головой и спросила:

– Мить, а ты видел ту женщину, про которую говорила Анна?

Он провёл рукой по моим растрёпанным волосам и ответил:

– Да, только не похожа она была на ведьму. Хотя все и болтали, что, дескать, она порчу на людей и скотину наводит. А сами по ночам втихаря бегали к ней за помощью. Даже наша мама ходила, ещё до твоего рождения.

Я удивлённо посмотрела на брата.

– Расскажи, что знаешь, пожалуйста! – попросила я.

Он пожал плечами и глубоко вздохнул.

– Знаешь, Рада, наш отец не всегда был таким. Раньше он не пил и был очень хорошим. Но потом пошли слухи, что отец гуляет с кем-то из соседней деревни. Маме соседки-доброжелательницы донесли сплетни, и она долго ругалась и выясняла, с кем. В конце концов, наверное, узнала, потому что однажды пошла к этой знахарке. Пробыла она там до самого вечера. Вернулась домой вся заплаканная, несколько дней ни с кем не разговаривала. Потом, вроде, всё наладилось, только отец стал пропадать с друзьями и приходить домой пьяным. Затем родилась ты, и отец окончательно запил. Стал таким, каким ты его знаешь, – поведал мне брат.

– Ты думаешь, что это она с отцом сделала?

– Не знаю, но Анька тоже знает эту историю. Поэтому и бесится. Года два назад мы возвращались с ней из школы и случайно встретились с этой бабкой на дороге. Так Анна словно свихнулась, накинулась на женщину с руганью. А та только стояла и смотрела на неё с укором, затем развернулась и ушла. На прощание сказала: «Какая же ты, девка, злая. Нельзя так с людьми разговаривать, а то всех женихов распугаешь». Так Анька чуть с кулаками на беднягу не накинулась, вовремя успел её перехватить. А вот бабка та остановилась, повернулась к нам, покачала головой и, блеснув колдовскими глазами, ушла. Сестра всю дорогу от злости тряслась и боялась, что та её сглазила.

– Мить, я что – так уж на неё похожа?

Он в недоумении посмотрел на меня и переспросил:

– На кого похожа?

– Ну, на ту ведьму.

Брат искренне рассмеялся.

– Нет, только цвет глаз такой же. Мне так даже больше нравится! А ты не слушай Аньку, завидует она тебе.

Я не поверила своим ушам.

– Как это?! С чего вдруг в ней зависть проснулась?

– Ой, Радка! Какая ты ещё маленькая… Не понимаешь, что она конкуренции боится. Вот подрастёшь – поймёшь, – ответил брат с улыбкой.

Мои скандальные родственники так больше и не появи-

лись в больнице. Через два дня, как и обещал Виктор Михайлович, меня выписали. Сев с братом в видавший виды пыльный автобус, мы отправились домой. Подпрыгивая на каждом ухабе, раскачиваясь из стороны в сторону, набитый под завязку людьми, автобус медленно полз по грунтовой дороге. Я сидела рядом с братом и ловила на себе взгляды любопытных пассажиров. Чувствовала себя очень неуютно.

С другого конца автобуса к нам протиснулась женщина лет сорока в ярком цветастом платье и лёгкой газовой кофточке на голове.

– Митя, ты что ль? Ой, еле узнала! Давно хотела увидеть вас. Ну, как вы там поживаете? – с интересом стала расспрашивать она брата.

Он лишь растерянно смотрел и явно не узнавал разговорчивую женщину.

– Я Раиса! – догадавшись о затруднении Мити, представилась она. – Вы с Таней, мамкой твоей, были у меня в гостях, правда, давно уже, лет десять прошло.

Брат медленно кивнул, наверное, что-то припоминая.

– А ты что делал в районе? – полюбопытствовала она. – Кто это с тобой?

Митя крепко обнял меня и ответил:

– Сестрёнка моя. Она болела и лежала в больнице, теперь мы едем обратно домой.

Раиса слегка нахмурилась и, недовольно скривив губы, высказалась:

– Нда… Странная мать у тебя, парень. Я конечно понимаю: работа, хозяйство, семья большая и деток много, но, чтобы за девочкой вместо матери или сестры ухаживал взрослый парень… не видала. Да ладно, это не моё дело. Передавай от меня привет Татьяне, скажи, может, на днях заскочу к вам.

Она развернулась и пошла к выходу. У самой двери снова остановилась и окинула нас пристальным взглядом. А потом махнула на прощание рукой и вышла.

– Митя, а кто это? Знаешь её? – спросила я брата.

Он растерянно взъерошил свои короткие светлые волосы.

– Смутно… Мне тогда лет восемь было. Как раз в разгар скандала с отцом мама ездила искать знахарку, и я за ней увязался. Она к этой Раисе и пошла, та ей и рассказала, как и где найти знахарку. Оказалось, они давние подруги, а мама-то уши и развесила, слушая рассказы про чудеса, которые ведьма творит. Вот и пошла она со мной к домику на краю села, я-то на улице остался. Ну, а остальное ты знаешь…

Дальнейшая наша поездка прошла без приключений. На конечной остановке мы вышли из автобуса и привычной дорогой направились домой, даже не догадываясь, какой сюрприз нас там поджидает.

Деревенъка встретила нас странно. Люди, попадавшиеся навстречу, испуганно шарахались в сторону и шептались, показывая на меня пальцами. Я же остро ощущала их агрессию

и страх, теснее прижималась к брату, чувствуя приближение чего-то неотвратимого.

Возле дома мы стали свидетелями настоящего спектакля в исполнении Анны. Мало того, что та за эти дни не угомонилась, так вдобавок ещё и всех деревенских настроила против меня. Она бегала по двору с истерическими воплями и разбрасывала мои вещи.

— Ой, люди добрые! Да что же это делается?! Эта ведьма, — тыкала она в меня пальцем, продолжая причитать, — не моя сестра! Она вселилась и забрала душу бедной Радочки! Лежит теперь та на дне озера, вместе с подружками... Как я буду жить рядом с этой... — Она показательно перекрестилась. — Пускай идёт, куда хочет! Мама, слышишь, выбирай, или она остаётся или я!

Глядя на это представление, я впадала во все больший ступор. Пройдя по двору, спокойно собрала свои вещи и направилась в дом. Лишь на пороге обернулась и сказала:

— Ань, прекрати спектакль, а то ведёшь себя как буйно помешанная. Так тебя точно замуж не возьмут. Зачем кому-то жена-истеричка?

Она даже растерялась от таких слов. Сначала покраснела, затем побледнела и напоследок, плонув в толпу зевак, пребежала мимо меня в дом.

Глава 6

Продолжая стоять с вещами на пороге, я слышала, как Митя сказал толпе зевак:

– Расходитесь по домам, представление окончено, и продолжения не будет.

Через открытую дверь сладко запахло яблочным вареньем. Войдя в дом, я с порога посмотрела на маму, которая сутилась над печкой и намеренно (ведь скандал, устроенный Анной, слышали все) не замечала моего присутствия, на заставленный банками со свежим вареньем стол... В гла-за бросился маленький стаканчик с подснежниками. Застыв, я вспомнила тот странный сон и слова женщины, что это её подарок.

Мимо пробегала младшая сестра Алёнка. Остановив её, я тихим голосом спросила:

– Откуда цветы?

Она добродушно улыбнулась щербатым ртом и, гордясь собой, ответила:

– Их нашла я, на полянке недалеко от озера. Правда чудо??!

– Да, уж, – не отрывая взгляда от белых цветов, согласилась я.

Тут уже невольно задумалась над словами Анны: может она права? Даже как-то не по себе стало: неужели действи-

тельно ведьма?

Кто-то с силой толкнул входную дверь, так что она шарахнулась о стену. Послышалось шарканье ног, скрип стула и жалобное позвякивание банок с вареньем. Чертыханья донеслись до меня из соседней комнаты, за которыми последовал горестный вздох мамы. Вот и отец вернулся. Теперь уж мне точно покоя не видать.

— Мать! А что у нас за представление было? Полдеревни судачит, будто в моей семье ведьма завелась! — заговорил отец, а я напряглась всем телом.

Тут из другой комнаты раздался голос неугомонной сестры:

— И правильно говорят! Это не Радка, я так всем и рассказала.

— Так это ты слухи разносишь?! — громыхнул отец. — Да как у тебя язык повернулся болтать такое о Раде?! Ежели ещё раз услышу, не обижайся! Пока я здесь хозяин, не позволю, чтобы из моего дома мусор выносили! — шарахнул он ладонью по столешнице, и банки снова угрожающе звякнули. — Татьяна, угомони свою дочь, а не то я сам пропишу ей « успокоительное»!

— Но, папа... — начала было возмущаться Анна.

— Так! Ты мне ещё перечить будешь?! — повысил голос отец.

Раздались торопливые шаги и еле слышный шёпот мамы, которая пыталась внушить что-то сестре.

– Рада, иди сюда, дочка, – позвал отец.

Неспешно встав с кровати, потупив взгляд, я медленно вышла к нему. Подошла вплотную и ждала, что будет дальше. Отец приподнял мой опущенный подбородок своей большой загорелой рукой и спросил:

– Дочка, ты что-то натворила?

Я увидела перед собой безмерно уставшего человека с потухшим взором и ранней сединой в кудрявых волосах. Густые тёмные брови, карие глаза и глубокие морщины вокруг них, крупный с горбинкой нос. Неопрятная щетина скрывала нижнюю половину лица.

– Нет, ничего, папа.

– Тогда не опускай глаз, раз тебе нечего бояться. Пускай другие прячутся, а моя дочь должна ходить с высоко поднятой головой. Так всегда говорила твоя прабабка, и ещё одно...

Договорить он не успел – на кухню влетела запыхавшаяся Анна с очередными обвинениями.

– Ты зачем украла мой золотой крестик?!

Опешив от неожиданности, я только растеряно смотрела на неё и молчала.

– Отдай! А то хуже будет!

– Он мне ни к чему, да и не знаю я, где ты его положила, – ответила я.

– Крестик лежал на тумбочке, а туда заходила только ты. Больше никто не возьмёт. Верни, по-хорошему прошу!

— Зачем он мне? Не брала я чужого, тем более твоих вещей.

Но она не унималась, продолжала кричать. Тогда отец собой заслонил меня от сестры.

— Анька! Прекрати обвинять Раду. Уйди, не доводи до греха.

Лишь бы прекратить перебранку, я сорвала с шеи шнурок, на котором болтался крестик, и кинула его на стол со словами:

— Не знаю, кто взял твой. Вот, возьми мой на замену. От золота лишь зло и раздор.

Она явно не ожидала такого поворота и растеряно смотрела на лежащий на столе крест. Затем опомнилась и протянула руку со словами:

— Зачем ведьме крест? Она же в Бога не верит, — ухмыльнулась она и взяла его.

На пороге появился Митя, таща за собой упирающуюся и ревущую в три ручья Алёнку.

— Вот, смотрите, что я у неё нашёл.

В протянутой ладони брата лежал крестик Анны. Увидев свою вещь, она накинулась на и без того плачущую сестрёнку.

— Ах ты, поганка мелкая! Вы только посмотрите на неё! Украла и ещё ревёт! Ну, я тебе сейчас задам, чтобы в следующий раз знала, как чужое брать!

Сказав это, она попыталась вытащить малявку из-за спи-

ны Мити. Но брат не дал ей ударить Алёнку, перехватил руку.

— Коль сама виновата, незачем на других пенять. Убирать надо свои побрякушки, чтобы потом на невинных людей в следующий раз напраслину не наводить, — сказал он и отпустил её.

Вся бледная от злости, сестра круто развернулась и опрометью выскочила с комнаты, напоследок хлопнув со всей силы дверью.

Все безмолвно застыли, не решаясь что-либо сказать. Потом нас ждал сюрприз, даже два. Сначала отец молча прошёл в их мамой спальню и вышел оттуда с коробочкой. Он обратился ко мне со словами:

— Рада, раз ты отдала ей без сожаления свой оберег... — взглядом показал он в сторону ушедшей Анны. — Я давно хотел тебе подарить одну вещь, которую мне оставила родственница с тем условием, что когда-нибудь я отда姆 её своей дочке.

Он протянул мне открытую коробочку, в которой лежал серебряный перстень в виде бабочки с усыпанным зелёными камешками крылом. В ажурных лапках бабочка держала такой же камешек, только большего размера.

— Это кольцо принадлежало моей прабабушке, она его никогда не снимала с пальца. Лишь когда умирала, подозвала меня к себе и отдала. А золото действительно приносит одно зло.

Я, как зачарованная, смотрела на кольцо. Мне казалось, что оно само просится на палец. Оно оказалось удивительно легким и, к моему огорчению, слишком большим. Но отец и эту проблему решил – взял разорванный шнурок от крестика, продел его сквозь перстень и повесил вместо кулона мне на шею со словами:

– Носи его, дочка. Оно старинное и принесёт тебе счастье. Не обращай внимания на все сплетни и слухи, они просто завидуют. Ты у меня вырастешь красавицей, – сказал он и впервые по-отечески обнял и поцеловал в щёку, слегка уколдов её колючей щетиной.

А вот мама не разделила всеобщей радости и восхищения. Она раздражённо хмыкнула, заявив:

– Надо же... не пропил эту железяку. Я-то думала, его и в помине уже нет. Твоя прабабка тоже была ещё той «зناхаркой», и Радка, видно, в неё пошла. Кому, как не ей, носить эту ведьмину вещицу. Видно судьба у неё такая, пошла в тебя и эту твою... – Тут она осеклась, всплеснула руками, будто сболтнула лишнего, и тяжело присела на ближайшую табуретку.

Отец нахмурился и сказал:

– Вовсе это не железо, а настоящее серебро и камешки не простые – изумруды. Я ум свой пока ещё не пропил. Так что, Рада, береги перстень, память обо мне будет. А теперь, дети, выйдите на улицу, погуляйте, нам с вашей мамкой поговорить надо наедине.

Мы все заторопились во двор. Последнее, что я рассылала, была фраза отца:

— Ну, вот, Татьяна, теперь мы одни. Говори, что собираешься. Хватит недомолвками бросаться, рассказывай...

Наша троица молча уселись на крыльце, и лишь Алёнка порывалась пойти обратно к родителям, но Митя её остановил:

— Не нужно, пускай поговорят.

Сестра побежала играть к подружкам, а мы так и остались на ступеньках.

Митя со вздохом обнял меня, протянул какую-то бумажку и произнёс:

— Час назад приходил почтальон и принес мне повестку. Через два дня в армию. Хотел сказать всем, но сейчас это ни к чему. После сообщу.

Я прижалась к брату. Душу охватила такая беспробудная тоска, хоть вой! Изо всех сил старалась сдержать слёзы, но они всё равно прорвались сквозь закрытые глаза, и тоненькими ручейками потекли по лицу.

— Что ты плачешь? Перестань мокроту разводить, а то вон, смотри, на дворе тоже дождик заплакал. Только светило солнышко и вдруг туча, — пошутил Митя. — Видишь, погода испортилась, глядя на тебя.

Раздались торопливые шаги, и на крыльцо сначала выскочил отец с диким выражением на лице, а следом за ним выбежала голосящая мама.

— Петя, пожалуйста, остановись! Прости меня, ради Христа. Не знаю, что тогда нашло на меня! Вернись! — крикнула она и попыталась схватить его за локоть.

Но отец был явно не в себе — отдёрнул с брезгливостью руку, сорвался с места и без оглядки убежал.

Мама зарыдала, а мы с Митей подскочили к ней. Но она лишь оттолкнула меня и прошептала:

— Это ты во всём виновата, ведьмино отродье!

В её голосе было столько ненависти, что мне показалось, как среди знойного лета повеяло зимней стужей.

— Мама! Рада твоя дочка, как ты можешь такое говорить?! — возмутился Митя.

— Она вовсе и не дочь! Пусть идёт куда хочет. Видеть её больше не могу в своём доме! Всё из-за неё и этой ведьмы, сил моих больше нет!

А я застыла, не в силах произнести даже слова. Всё смотрела на мать и не понимала, что делать. Все происходило, как в дурном сне. Кажется, вот-вот проснёшься, и все изменится. Но, увы, это был не сон.

— Да что же сегодня происходит?! Все сразу с ума сошли?! Мама, опомнись! Куда Рада пойдёт, ей всего девять лет! — выходя из себя, прокричал брат.

— Ничего, найдёт, где жить! Такая, как она, не пропадёт! Анечка права оказалась, давно надо было это сделать. А я то, глупая, боялась...

Не в силах больше слушать этот бред, я направилась в дом

за одеждой.

– Нет! – Оклик матери остановил меня. – Не входи, сама вынесу вещи.

Меня вновь окутало безразличие ко всему. Словно находилась под наркозом. Боли не было, но я знала, что она вернется потом и начнет терзать меня с удвоенной силой.

Как назло, в этот самый момент появилась сестра и, правильно оценив ситуацию, решила вмешаться.

– Правильно, мамочка. Выгнать её со двора, нам она не родня. Ещё сглазит или наколдует такое, век не отмоешься.

Её слова настолько задели меня, что безразличие как ветром сдуло. Повернувшись к ней и пристально глядя в глаза, я отчетливо произнесла:

– Ты везде кричишь, мол, я ведьма. А сама-то не больно боишься меня. Вот возьму и сделаю что-нибудь тебе за это.

Анна резко побледнела от страха и бросилась в дом за матерью с причитаниями:

– Ой, мамочки! Теперь точно сглазит, замуж никто не возьмёт!

Лиши пожав плечами на такую реакцию, я рассмеялась и спросила брата:

– Мить, как ты считаешь, она действительно так думает или прикидывается?

Не успел он ответить, как с моими пожитками появилась родительница и, кинув их на крыльце, приказала:

– Убирайся со двора немедленно, и не тронь сестру!

Я склонилась, подобрала одежду, и пошла к забору. Брат окликнул меня почти у калитки.

– Рада, подожди меня.

Он тоже шёл с охапкой одежды, а мать с порога крикнула:

– Митя, ты куда идёшь, сынок? Ты что делаешь, одумайся!

Она же ведьма, во всём виновата.

Брат повернул голову и ответил:

– Ухожу я от вас, мама. Рада, пойдём отсюда. А они пускай остаются с миром. Хотя, это надо посмотреть, кто тут ведьма. Уж, скорее вы с Анной.

Он обнял меня за плечи и, взяв из рук мои вещи, пошёл прочь из родного дома, не оглядываясь. А я, заглянув в его серьёзное лицо, спросила:

– Куда же мы идём? Где жить будем?

Он ободряюще подмигнул мне и ответил:

– В ведьмин дом пойдём, не выгонит он своих родственников. Много раз пытались его подпалить местные, а он стоит, как заговорённый. Наверное, нас все это время дожидался.

Глава 7

Мы медленно брали по мокрой дороге, под сеющим, больше похожим на туман, летним дождем. Я закинула голову, подставляя лицо невесомым каплям. Несмотря на все то, что произошло, в душе моей поселились покой и лёгкость. Казалось, ещё совсем чуть-чуть и от дуновения ветерка я невесомым пёрышком воспарю к облакам. Кто-то из классиков сказал, что «Детство – это пора, когда все несчастья кажутся проходящими и быстро забываются». Не знаю, так ли это, но мои переживания точно отошли на второй план. Но лишь на время, чтобы в самый неподходящий момент напомнить о себе. Но это случилось позже, а пока, шагая рядом с братом, в промокшей одежде, неизвестно куда, я была обычным ребёнком, которому хотелось приключений. От этих эмоций слегка кружилась голова, и я не осознавала, что возврата к старой жизни не будет.

Мы прошли несколько километров, прежде чем на окраине соседнего села показался одиноко стоящий, аккуратный кирпичный дом. Сразу за ним начинался тёмный лес.

Низенький деревянный забор окружал палисадник, калитка была распахнута, словно приглашая войти. Ведьмин дом рождал во мне странное чувство – словно я, наконец-то, добралась до желанной цели. Возникало ощущение чего-то родного, и от этого сердце в груди гулко стучало, радуясь.

Чем ближе становился дом, тем сильнее хотелось побежать к нему. Что я и сделала. У самой калитки остановилась и оглянулась на идущего позади брата, не решаясь ступить во двор одна. Видя мои нетерпение и нерешительность, он прибавил шагу.

— Ну вот, сестрёнка, наконец-то мы пришли сюда. Надеюсь, нас отсюда не выгонят, — улыбнулся Митя. — После смерти и похорон бабы Веры, все жители бежали сюда с намерением разорить дом и спалить. Так их даже к забору не пустило — ветер такой поднялся, что еле ноги унесли. Теперь стороной обходят, лишний раз даже смотреть боятся в его сторону...

Затаив дыхание, слушала я рассказ брата и мысленно удивлялась, откуда он так много, ведь он находился со мной всё это время...

Внимательно рассматривая дворик, с изумлением отметила, что ни он, ни дом, оставшийся без хозяйки, не выглядели заброшенными.

— Митя, а откуда ты всё знаешь про это место?

— Да, мне Ванька рассказал, помнишь его?

В памяти всплыл образ высокого неуклюжего паренька.

Я кивнула.

— Так вот, он был здесь. Думал что-нибудь стащить. Но когда понял, чем дело оборачивается, первым удрал. Сам мне потом рассказывал, причём в красках и лицах. Но тогда я не особо вслушивался в его болтовню. Санёк тот ещё врун.

Ладно, пошли уже. Вроде бы ураганов и потопов не наблюдалось, значит, нас ждут. Вон, и калитка приоткрыта, словно приглашают, – пошутил брат и легонько подтолкнул меня в спину.

Под ногами зашуршали мелкие камешки, устилавшие дорожку, ведущую к дому. Я прислушивалась к царившей вокруг нереальной тишине. Казалось, сама природа присматривается ко мне. Даже птицы и те притихли.

Когда я коснулась дверной ручки, из-за туч выглянуло солнце, и дождь сразу же прекратился. Подул тёплый летний ветерок. Намокшая одежда неприятно холодила тело. Вида мою нерешительность, Митя поднялся на крыльцо, потеснил меня плечом и распахнул дверь. Я очень удивилась, что она оказалась незапертой.

– Проходи, а то ещё простудишься. Чем тогда я буду тебя лечить, а?! Да и печку затопить надо, наши пожитки высушить.

Дом встретил смесью запахов трав и затхлости давно нетопленного помещения. Половица под моей ногой тихо скрипнула, и на миг показалось, что в доме кто-то – будто этот кто-то ворчливо охнул.

– Митя, ты слышал?... – встревожено прошептала я.

Он отрицательно покачал головой и сказал:

– Сестрёнка, здесь нет никого, кроме нас. Это просто старый дом скрипит. Не бойся! Проходи и располагайся.

Он первый снял обувь и босиком прошёл на кухню, остав-

ляя за собой следы на пыльном полу. Я двинулась за ним, рассматривая обстановку. Наглоухо закрытые ставни почти не пропускали дневной свет, лишь тоненькие лучики просачивались в комнаты. Деревянный резной сервант ломился от посуды. На окнах домотканые занавески с цветной вышивкой. Под потолком натянута бельевая веревка с гирляндами сушеных грибов и пучков трав. Заметив в углу веник с совком, я решительно закатала рукава блузы, свернула дорожки и взялась подметать полы.

Митя нашёл вёдра в сенях и отправился за водой. Вернулся он быстро и радостно сообщил, что на границе с лесом есть колодец.

Голод нам тоже не грозил – я нашла припасённые прежней хозяйкой и аккуратно расставленные пакеты с крупой. В подполе нашлась картошка, лук, мука и несколько банок с закрутками на зиму. Из найденных продуктов я с легкостью сварганила суп.

А когда мы в серванте обнаружили чай и сахар, то радости не было предела.

За суетой мы не заметили, как наступил вечер. Мы зажгли старинную керосиновую лампу, сидели за столом разговаривали. Митя со взрослым видом бывалого раздавал советы и наставления. Я, стараясь сохранять серьёзный вид, кивала, соглашаясь со всеми его идеями. Постепенно усталость брала свое, и брат заметил это.

– Ну, что, Рада, вижу, у тебя уже глаза слипаются. Пора

на боковую...

В соседней с кухней маленькой комнатке, где заранее застелила постель, я надеялась легко уснуть. Но сон не спешил приходить. Лёжа на скрипучей чужой кровати и настороженно вслушиваясь в ночную тишину, я долго расслаблялась, пока не впала в дремоту. Внезапно к ноге прикоснулось что-то тёплое. Сквозь дрему мне показалось, что это что-то живое и пушистое, явно стремящееся погреться. Но я сразу же вспомнила, что в доме нет животных. От этой мысли мне стало жутко. Лежала с закрытыми глазами, не в силах даже пальцем шевельнуться. На ум пришла фраза с давнего рассказа одной пожилой женщины: «Если кто-то почивает ночью, что к нему прижимается живое и мягкое, но не кошка, нужно мысленно спросить: «К добру или ко злу?» Что я и сделала незамедлительно.

Тут же в голове прозвучал странный голос, полудетский, полуостарческий:

– К добру, молодая хозяйка. Ой, к добру!

Тогда я поняла, с кем разговариваю, и продолжила мысленный диалог:

– Что, погреться пришёл?

– Да, молодая хозяйка. Погреться... замёрз я без человеческого тепла. Ой, как замёрз! – проворчал домовой. – Стая-то хозяйка померла. Да и наказывала, чтобы я охранял дом от «худых» людей. А без тепла не могу я долго жить. Вот ты пришла, я и решил чуток погреться.

— Ладно, только брата не тронь. И отпусти меня, а то устала лежать неподвижно.

Тут же оцепенение как рукой сняло, тот же голос стал извиняться:

— Прости меня, старого! Совсем одичал без общения, а за брата не изволь беспокоиться. Даже и в мыслях дурного не было, чай я не зверь. Мы с понятием, хоть и нечисть.

Усмехнувшись, я закрыла глаза и повернулась на другой бок. Почти сразу уснула. Снилась мне Вера. Сидела она за столом напротив меня и беседовала.

— Здравствуй, Рада. Вижу, ты уже познакомилась с Никодимычом.

Я в недоумении пожала плечами, и спросила:

— А кто это, Никодимыч?

— Как, он даже не представился?!! — возмутилась та. — Так, а ну, иди- ка сюда! Ты что ж этотворишь? Совсем от рук отбился... Думаешь, если девочка не знает правил, можно и наглеть?! Иди сюда, старый ворчун.

Тут из-за печки, кряхтя и ойкая, появился маленький человечек в длинной вышитой рубахе и широких штанах в полоску. Седой, как лунь, длинная борода доставала ему до колен. Он отвесил нам поясной поклон, чем вызвал у меня желание дотронуться до него и проверить, настоящий ли.

— Итак, Никодим, слушаю тебя внимательно, — строго сказала Вера, сурово нахмурившись.

— Я это... хозяйка... — замялся Никодим, потупил взгляд

и зашаркал ногой. – Неудобно было ночью со знакомствами лезть.

– Говоришь, неудобно?! – продолжала возмущаться она. – В кровать к девочке лезть погреться удобно, а представиться постеснялся?!

Домовой вдруг упал на колени, утратив всю важность и, слёзно заглядывая в глаза прежней хозяйке, запричитал:

– Ой, прости ты меня, старого! Не хотел я обидеть ребёнка. Что хошь для тебя сделаю, только не наказывай!..

Продолжая молча смотреть на это представление, я не вмешивалась в чужой спектакль. Взглянув на Веру, заметила, несмотря на её попытки сохранить суровый вид, как она старательно прячет улыбку.

– Ну, ладно, будет тебе, Никодим. Прощаю, на этот раз. А ежели будешь баламутить, то тогда не обессудь, я быстро найду на тебя управу.

Он мгновенно вскочил на короткие ножки и отряхнул штаны, важно прошёлся по кухне, чем вызвал у нас дружный смех.

– А теперь, Рада, пойдём. Нам пора заняться делами. – и решительно встала из-за стола Вера, взяв меня за руку.

Казалось, я даже моргнуть не успела, как мы очутились на той же поляне, что и в прошлый раз.

– Что мы будем здесь делать? – не удержалась я от любопытства.

Она внимательно посмотрела на меня и ответила:

— Ты будешь стоять молча, что бы не происходило. А я буду делать заговор на посвящение тебя в знахарки, хватит время тянуть зря.

Мы оказались в незнакомом помещении, кругом горели свечи, и в воздухе витал запах травами. Бабушка стояла ко мне лицом, смотрела мне в глаза и тихо шептала диковинные слова:

— Силы небесные призываю вас в свидетели и вас духи земные.

Беру вас в свидетели последней воли моей, подчинитесь мне!

Желаю передать свой дар Радмиле, возьмите его и пересилите в неё!

Приказываю вам я ведунья в семи поколениях Вера!

И тот же миг по комнате, словно тёплый ветерок пролетел, обдал меня горячим дыханием, разом потушив все горящие свечки, испарился, будто и не было его вовсе. Всё погрузилось во тьму. А на душе стало легко, будто весь мой вес разом исчез, и на одно мгновение показалось, что отрываюсь от пола. Словно у меня за спиной выросли невесомые крыльшки, которые и подняли меня ввысь.

Глава 8

На следующий день я, по привычке, проснулась рано. Переодевшись в высохшие за ночь вещи, принялась готовить завтрак. Через некоторое время услышала смутно знакомый женский голос. Выйдя за порог, увидела нашу недавнюю попутчицу Раису. Она стояла возле калитки, не решаясь в неё войти. Я взмахом руки пригласила её пройти со мной в дом. Женщина явно нервничала, её пальцы беспокойно теребили бахрому цветастого платка.

— Здравствуй, Рада! — озираясь, произнесла она. — Не знаю, помнишь ли ты меня?...

— Конечно, я помню вас. Вчера мы ехали с вами в автобусе. Что-то случилось, раз вы пришли в такую рань?

Она положила руки на стол и начала разговор:

— Да, я по делу, девонька. Твоя мать, Татьяна, попросила меня кое-что передать тебе на словах.

Женщина замолчала, явно не решаясь продолжать.

— Говорите, что вас просили передать, — подбодрила ее я. Раиса глубоко вздохнула и решительно произнесла:

— Она просила передать, чтобы ты никогда несмела появляться у их дома и даже забыла о семье. В свою очередь Татьяна пообещала раз в неделю передавать продукты и одежду через Алёнку, — выпалила женщина на одном дыхании.

От такого унижения захотелось крикнуть, что я и сама от

них ничего ни приму. Но вспомнила о брате и о том, что, к сожалению, без посторонней помощи вряд ли проживу одна зимой, которая в наших краях наступала рано и длилась по полгода. Припасов надолго не хватит. Денег на покупку продуктов нет. Пришлось запрятать гордость до лучших времён.

— Раиса, передайте им, я согласна, — скрепя сердце, кивнула я. Заметив, что непрошенная гостья не торопиться уходить, спросила: — Вы ещё что-то хотите от меня?

— Хочу... — потупила та взгляд. — Ты, наверное, не понимаешь поступков Татьяны. Я же знаю эту историю с самого начала и поведаю тебе всё. Только выслушай меня, не перебивая, хорошо?

Я молча кивнула и приготовилась слушать.

— Так вот, всё началось ещё задолго до твоего рождения, когда Пётр влюбился в дочь ведьмы. Да-да, не удивляйся. У неё была дочка, красавица. Все окрестные парни засматривались на неё, но в зятья к ведьме идти не хотели. Тогда и стали ходить слухи о твоём отце и Варьке (так звали её). Когда Татьяна узнала об этом, то пришла к ведьме умолять оставить мужа в покое. Та ей поставила одно условие, если ей так нужен муж... Его свободу в обмен на жизнь ещё не рождённого ребёнка. Сказала, что Татьяна беременна и родит мертвого младенца. Пообещала, что дочь оставит Петра в покое при одном условии: подменить своего мертвого на живого новорождённого. Взяла с неё слово, что та будет любить и воспитывать этого ребёнка. Ежели она этого не сдела-

ет, то Пётр уйдёт из дома. Без помощи акушерки в этом подсудном деле нельзя было обойтись, вот подружка и попросила меня помочь. Я в то время работала в районной больнице, роды принимала и ради счастья Татьяны пошла на подлог. Но Варька (упокой её душу) померла при родах, а вышло так, что рожали они в одно время, и подменить мне детей удалось чисто. Никто даже не заподозрил! В эту ночь все свободные врачи были заняты в операционных, неподалёку от нас случилась страшная авария и всех кинули туда. В гинекологии осталась я, да старая полуслепая нянечка, – сделав паузу, Раиса отхлебнула воды из стоящего поблизости стакана. При этом рука её дрожала, как у пьяной. Отдышавшись, она продолжила: – В то время мы обе обрадовались, что все так гладко вышло. Но отец твой, узнав о смерти ведьминой дочки, впал в уныние и запил по страшному. А ведь до того капли в рот не брал. Видно,шибко она его к себе привязала, даже после смерти не отпустила. Ты на неё всё больше походить стала, только глаза от бабки достались. У твоей-то матери они тёмные были...

Слушала я её с нескрываемым интересом, в какой-то степени, понимая теперь странное отношение мамы. Воспитывать чужого ребёнка, а тем более дочку соперницы (пусть даже мёртвой), большое испытание. Но вот за что меня невзлюбила Анна, оставалось секретом.

– Всё шло хорошо, только Татьяна с той поры перестала со мной общаться. В гости не заходила и нос воротила, как от

чумной. А вот мне, уже несколько месяцев, снится Варька... Станет над кроватью и смотрит с укором, дескать всех обманули и радуетесь. Подсунули чужое дитя и не вспоминаете. Совесть меня совсем замучила, бессонница одолела. Прости меня, ради Христа, Рада! Грешница я великая! Прости! – и она сползла со стула, бухнулась передо мною на колени.

Опешив от неожиданности, я в изумлении смотрела несколько секунд на женщину, не испытывая зла. Опомнилась, вскочила с табурета и спокойным голосом попросила:

– Поднимитесь немедленно! Вы передо мною не виноваты. Наоборот, я должна сказать вам спасибо.

Раиса растерянно посмотрела на меня и спросила:

– Мне?! Это за что спасибо-то?

– Да, вам. За семью, которая у меня была. А вот у кого вам нужно просить прощения, так это у покойной Варвары. Идите в церковь и поставьте свечку за упокой её души и прошите у неё прощения за ваш обман.

Откуда взялись эти слова в голове, не знаю. Но произнесла я их уверенно, как умудрённый опытом человек, а не девятилетний ребёнок.

Раиса, не веря своим глазам, растерянно взирала на меня с высоты своего роста. Затем, вытерев заплаканное лицо ладонями, спросила:

– Так ты меня прощаешь? Серьёзно? И зла не держишь? Я лишь грустно улыбнулась и подтвердила:

– Да, прощаю. Идите с миром.

– Блаженная, как есть блаженная! Все остальные, после такого признания, возненавидели бы, прокляли и выгнали бы меня взашей. А ты простила! – изумилась она.

Я лишь пожала плечами.

– Что толку от злобы, ведь всё равно прошлого изменить нельзя. И вся округа благодаря моей сес... – тут я запнулась на секунду, продолжила: – Анне, будет звать меня ведьмой. Хотя, до сих пор не понимаю, за что она так моментально воспылала ко мне ненавистью.

Женщина уже собиралась уйти, но услышав мои слова, вернулась и ошарашила словами:

– Как?! Ты ещё не знаешь?! Ревнует она тебя!

Я растерялась от этих слов.

– Не может быть! Она с ума сошла?! С чего вдруг? К кому?

– Нет, девонька. Твоя сестрица в своём уме, к сожалению. Может, знаешь парня по имени Андрей, ну, он недавно из армии вернулся?

Я смутно припомнила... Высокий, темноволосый, со светлыми глазами, проходил несколько раз под нашими окнами.

– Да, помню. Ну, и что?

– Так вот, Анна в него влюбилась, стала за ним бегать. Он возьми, да и лягни, мол, не люба ты мне Анька, а вот на ком бы женился, так на вашей Радке. Красавицей она у вас будет! Вот обожду годочек пять-шесть и возьму её в жёны. А теперь представь, каково было слышать такое Аньке??!

— О, Боже мой! Вы-то это откуда знаете?! — с раздражением спросила я, всплеснув руками.

— Сама слышала, как Андрюшка сказывал моему сыночку Грише. Они приятели с детства. Это как раз перед твоим утоплением было, а потом и того хуже стало. Как Анька привезла от вас из больницы злющая, стала всем сказывать, что, мол, ведьма в тебя вселилась и утопила всех подружек. Их родители на тебя уж больно злые были, а как сплетню услышали, сразу поверили ей. Не хотят знать, что дети по своей глупости утонули.

От всего слышанного у меня в горле пересохло. Оказывается, дела обстоят ещё хуже, чем мы с братом думали. Намного хуже, и надежды на затишье нет. Скорее наоборот, слухи будут расти, как снежный ком.

— А почему вы не верите Анне? — с трудом сглотнув, спросила я.

Она рассмеялась.

— Я знала Веру и, несмотря на слухи, что разносили наши бабы, она никому в жизни не сделала зла. Тем более, после смерти. Ты очень сильно на неё похожа, поэтому и верят Анькиному вранью. Трудно будет тебе, девонька, жить здесь. Но так думаю, характером ты в свою бабку пошла, а она сильная была. Упокой её душу с миром, Господи! Ладно, засиделась я у тебя, пойду домой. Не провожай. Дорогу найду сама. Так положено.

Она вышла в коридор, не оглянувшись.

Я вернулась к приготовлению завтрака, но мыслями была далеко. От всех этих новостей на душе становилось только хуже.

Итак, всё в моей недолгой жизни оказалось обманом. Семья, мама и сестра... Только один Митя остался. Он меня любую примет и поймёт, несмотря ни на что. И тогда я дала себе слово, чтобы ни случилось дальше, брат навсегда останется для меня главным человеком. Ради него я пойду на любые жертвы. Он единственный, самый родной мне в целом свете, дороже которого нет и не будет.

Глубоко задумавшись, я не заметила, как вошел брат. Вздрогнула, когда он заговорил:

– Доброе утро, сестрёнка! Как вкусно пахнет! А кто приходил? Я вроде слышал женский голос...

Я улыбнулась, повернулась к нему лицом.

– Доброе, Митя! Приходила наша попутчица, Раиса. Только не надо делать вид, что ты не рассыпал наш разговор.

Он шагнул ко мне и крепко прижал к себе.

– Да, ты права. Слышал всё, но для меня ничего не изменилось от её правды. Рада? – он приподнял моё лицо, заставляя посмотреть ему в глаза, и продолжил: – Ты моя сестра, и никто никогда этого не изменит! Слышишь?!

Я закивала, как китайский болванчик.

– Митечка! И ты для меня тоже самый-самый лучший и дорогой брат на целой земле, – проговорила я осипшим голосом.

Он вытер большим пальцем одинокую слезинку, катившуюся по моей щеке, и подбодрил:

– Не нужно плакать! Ведь у нас всё хорошо, правда?! Рада, пообещай мне быть сильной и выстоять назло всем, пока меня не будет с тобой. Обещай! – потребовал он.

– Обещаю, братик! – шмыгнув носом, ответила я.

Удовлетворённый моими словами, он успокаивающе провёл рукой по моим волосам и сменил тему:

– Что так вкусно пахнет? Показывай, чем будешь кормить.

Шагнул к столу, опустился на стул.

– Сегодня я пойду за остальными вещами, надо и твои забрать заодно, – принял он делиться планами. – Ты только не ходи со мной. Судя по словам этой Раисы, родители твоих потонувших подружек жаждут разобраться с тобой. Меня они не тронут, не бойся. Потом дров наколоть на всю зиму и сложить поближе, а то замёрзнешь, пока сама из сарая привнесёшь...

Митя неспешно рассуждал, непроизвольно размахивая вилкой, с наколотым на неё кусочком жареной картошки.

После завтрака, как и обещал, брат отправился за оставшимися вещами в наш бывший дом. С его уходом какое-то смутное чувство тревоги зрео во мне. Я пыталась сосредоточиться на домашних делах. Но, увы, тревога не уходила, а только крепла. Да и Мити уже три часа, как не было.

Выйдя из дома на дорогу, я вглядывалась вдаль, ожидая появление знакомого силуэта. Но его все не было. Тогда я

решила нарушить обещание и пошла навстречу брату. Через какое-то время я добралась до окраины деревушки. Ещё издали я разглядела людей, столпившихся около забора нашего дома. Чем ближе подходила, тем яснее слышала ругань. Родители моих погибших подруг спорили с отцом и братом.

Глава 9

Даже не задумываясь о последствиях, я побежала и протиснулась сквозь толпу. Сразу же оказалась в центре скандала. Увидела искажённые злобой постаревшие от горя знакомые лица.

– А вот и ведьма пришла! – обрадованно воскликнула тётя Лена, мама Гали. – Ты-то нам и нужна! Что моя девочка тебе сделала? Зачем Рада, ответь! Почему, они утонули, а ты жива?!

– Не знаю, что там произошло, – честно призналась я. – Они мои подружки, мы хотели пойти домой. Но Галя предложила искупаться напоследок…

Договорить мне не дали. Женщина явно не намерена была выслушивать мои оправдания и, всхлипывая, принялась упрекать:

– Да, как же тебе не стыдно, а?! Моя Галочка вообще не собиралась с вами идти! Вы её подбили к этому… – она заплакала, закрыв лицо руками.

– Лена! Как ты можешь так говорить?! Ирочка ни в чём не виновата! Она всегда слушала твою дочку! – причитая, вмешалась тётя Маша, мама ещё одной подружки.

Тут же началась перепалка между родителями, выясняющими, кто кого подбил на купание. Я слушала их скандал и, на душе становилось всё хуже и хуже. Лишь теперь я до кон-

ца осознала, что мои подруги мертвы. От этого на глаза на- вернулись слёзы, и горло перехватило, ели сдержав рыдания.

Я так бы и дальше продолжала стоять и слушать, если бы брат не дернул меня за рукав и не показал знаками, что пора уходить. Продвигались маленькими шажками, старались не привлекать к себе внимания. В воздухе уже пахло потасовкой, когда нам удалось незаметно вырваться из окружения.

Мы стремглав бросились напрямик через лес, не останавливаясь до самого дома. От переполняющих эмоций и страха сердце казалось, вот-вот выскочит из груди. Лишь на краю леса, когда показался наш дом, я позволила себе прислониться к дереву и отдохнуться.

– Ух! Надо же, получилось! – всё ещё задыхаясь от быстрого бега, проговорил Митя. – Всё шло к тому, что нас побьют. Я чуть с ума не сошёл, когда увидел тебя. Подумал, теперь точно потасовки не избежать. Ты мне слово дала сидеть дома, а сама что?!

Я рассмеялась от пьянящего чувства свободы. Голова слегка кружилась, а колени так и вовсе подкашивались.

– Ага, если бы я продолжала сидеть и ждать, вас бы точно побили! Да положи ты уже эту котомку! Бежал с ней в обнимку, еле догнала, – всё так же смеясь, выговаривала я брату.

Неподалёку раздался треск, и птицы, потревоженные звуком, взмыли ввысь, возмущенно крича. Мы с Митеем замерли, всматриваясь в тёмно-зелёную стену из елей. Хруст сле-

дующей сломанной ветки заставил нас стремительно подняться на ноги и броситься бегом к дому. Только за калиткой, не сговариваясь, обернулись. Каково же было наше изумление, когда на краю леса показалась рыжевато-коричневая шкура лося.

Я нервно хихикнула, а брат ухмыльнулся и сказал:

– М-да, сестрёнка! Правду говорят, что «у страха глаза велики». Надо же испугаться мирного животного. Ладно, пошли домой.

Дома, придя себя, каждый занялся своими делами. Брат колол дрова на зиму, а я разбирала принесённые им вещи. Незаметно за заботами наступил тихий вечер.

Мы сели на порожке, обнявшись. Митя тяжело вздохнул:

– Жаль тебя, сестрёнка, оставлять одну. Но ничего ни по делаешь, от армии не убежишь. Это всего лишь на два года. Потерпишь? Я верю в тебя, Рада. Ты глупостей делать не будешь?

Я отрицательно покачала головой.

– Вот и хорошо, – улыбнулся он. – Думаю, справишься. Еда на первое время есть, одежда тоже. Дров я нарубил много, надолго хватит. Сложил их в коридоре, тебе и выходить зимой лишний раз на мороз нет нужды. Только жди меня, и я вернусь, – подмигнул он. – А время быстро пролетит, не заметишь, как.

На улице стремительно темнело, и меня одолела зевота.

Заметив, как старательно я пытаюсь держать глаза открытыми, брат подхватил меня на руки и отнес в кровать. За день я так вымоталась, что не заметила, как уснула.

На этот раз сон больше напоминал сказку. Оказавшись на лесной поляне, освещённой множеством разных по размеру свечей, расставленных по кругу, я увидела Вера в белом одеянии. Она тоже заметила меня и махнула рукой, приглашая пройди в большой очерченный круг. В нем стояли табурет и чашей, наполненная до краёв водой.

Я вошла в круг. Вера стояла в нескольких шагах от меня, но не приближалась. На вытянутых руках она держала какую-то книгу в старинном переплётё. Её распущенные чёрные волосы обдувал лёгкий ветерок, еле заметно шевеля их.

Я хотела заговорить с ней, но Вера приложила палец к своим губам, призывая к молчанию.

– Рада, теперь ты знаешь, почему я выбрала тебя. В нашей семье дар целительства передаётся по женской линии испокон веков. Твоей матери, моей дочке, он не передался, а вот в тебе он очень сильный. Я это знала задолго до рождения Варвары, поэтому учить её было бессмысленно. Теперь пришло время для первого твоего испытания. Ничего не бойся, я хочу, чтобы ты не страшилась неизвестности и смерти и это твоё первое испытание. Стой молча пока я буду читать. Отвечай на мои вопросы и не бойся. Всё что ты увидишь в отражении этой чаши, исполнится, как бы мы ни старались этого избежать. Смотри на воду, внучка.

Я смотрела на воду, вслушиваясь в странные слова заклинания. В отражении появлялись лица людей, они лежали в гробах. А Вера задавала мне вопросы:

– Кто это?

Если человек был мне знаком, называла его имя. Сначала люди были разные: пожилые, наши соседи, родственники, даже отец. А вот потом стали появляться молодые незнакомые парни, но, как ни странно, зрелище меня не пугало. Догадалась, что бабушка перед началом действия прочла заговор от страха.

От очередного отражения, дыхание перехватило у меня в груди. Я видела Митю.

– Кто это? – спросила в очередной раз Вера.

– Митя?! Но как? Он же живой! – воскликнула я.

– Да, сейчас он жив. Но всё люди смертны, и он тоже умрёт в своё время. Ты не должна бояться смерти, она часть жизни. Продолжим!..

По инерции я отвечала на вопросы, но мысленно обдумывала её слова. Даже когда в чаше появилось моё отражение, этот факт прошёл вскользь, не затронул душу. Без содрогания ответила бабушке:

– Это я.

– Ну, вот и всё на сегодня. Поутру, когда проводишь брата, ты должна будешь пойти в комнату, где спит Митя. Там под кроватью есть не прибитая половица. Отодвинь её и возьми книгу. Её содержание выучишь наизусть. Чтобы, да-

же поднявшись ночью, смогла без запинки произнести любой заговор. А теперь отпускаю тебя, внучка. Но иногда буду приходить к тебе и журить за промахи или хвалить за удачи.

С этими словами она подошла ко мне, перешагнув границу круга, поцеловала в щёку и исчезла.

Наутро я вспомнила сон. Пообещала себе изучить магию, сделать всё возможное, чтобы пророческое видение на счёт Мити не сбылось. Защитить его от всех бед и несчастий, стало единственной целью, ради которой я была готова на любые жертвы.

Оставшись одна, я сделала над собой усилие, чтобы не разрыдаться, и вспомнила о книге. Ноги сами понесли меня в комнату Мити. Действительно, под кроватью обнаружилась не прибитая дощечка, а под ней тайник. Просунув руку, нащупала холодный, металлический переплёт. А вот вытащить её оказалось делом трудным. Ободрав кисть об доски пола, с неимоверным усилием, с третьей попытки, вытащила книгу.

Такие фолианты я до того видела только в исторических фильмах. Сгорая от любопытства, схватила книгу в охапку и побежала на кухню. Аккуратно положила ее на чистую скатерть, расстегнула замок и откинула тяжёлую крышку. На первой странице лежал сложенный вчетверо обычный тетрадный листок. Развернув его, я прочла следующее:

«Здравствуй, внучка! Жаль, что встретиться в этой жизни нам не удалось. Ну, да ладно. Наверняка ты сгораешь от любопытства и нетерпения прочитать эту книгу.

Всё тебе сейчас знать не нужно, пока ко всем тайнам доступ закрыт. Я приняла меры предосторожности. Но ты будешь взросльть, и сила твоя будет крепнуть. В книге будут появляться все новые заговоры. Рада, будь внимательна к произносимым словам, когда помогаешь людям! Порой одно неверное слово меняет весь смысл заговора! Не произноси их на автомате, вкладывай душу, представляй того человека, которому помогаешь. И ещё одно предостережение. Умоляю, никогда не наводи порчу насмерть! Это опасно! В первую очередь для тебя – сделанное тобою зло, вернётся, как бумеранг, в двойном размере! Вот и всё, что я хотела тебе сказать, внучка.

Пс. Береги книгу, она имеет ценность для тебя! Чужие, даже если заглянут в неё, ничего прочесть не смогут».

Отложив письмо, я принялась осторожно перелистывать пожелтевшие от времени страницы с диковинными буквами и непонятными рисунками. Но были тексты, которые читались легко. Они давались с пояснениями, что нужно для этого и в какой день недели можно их применять.

Взяя приготовленную для школы общую тетрадку и ручку, я стала переписывать всё то, что могла прочесть. Заговоры были разные: от сглаза, от боли, привороты, лечение разных болезней...

Потянулись однообразные дни, наполненные школьными проблемами... Все прежние друзья сторонились и игнорировали меня. Учителя, терзаемые навязчивым любопытством,

пытались выяснить, почему я проживаю одна.

Тёплые дни сменялись осенней прохладой. Тропинка, по которой каждый день приходилось ходить в школу, становилась с каждым днём всё более яркой от осенней листвы. Затем и листья осыпались, укрывая землю пестрым ковром. Они тихо шуршали под ногами, навевая грусть и тоску по чему-то несбыточному.

Незаметно подкрадалась зима... И однажды утром, выглянув в окно, я увидела первый снег, за ночь накрывший белым покровом землю.

Наконец, люди оставили меня в покое, наедине с собой. Учёба давалась легко и помогала мне не одичать окончательно от недостатка общения. Бабушкина наука сначала с трудом, постепенно всё больше затягивала меня в неизведанный, странный, даже иногда пугающий, мир. Туда я уходила от всех проблем, ненависти, злости и пороков. Это была сказка без конца, которую хочется читать запоем и невозможно оторваться.

Митя писал редко, но все его письма для меня были, как долгожданный подарок. Он старался смягчить свой рассказ о тяготах службы, но ему плохо это удавалось. Я знала, что служит он в разведгруппе спецназа, в самом разгаре боевых действий в Чечне.

Глава 10

Там была настоящая война, с убитыми и искалеченными молодыми парнями, ещё толком не знающими жизни. В свои девятнадцать-двадцать лет они с изломанной психикой возвращались домой (кому, так сказать, «повезло» уцелеть) не нужные никому, кроме несчастных родителей. Оставались наедине со своими не проходящими душевными травмами от увиденного на войне. Изувеченные тела мёртвых друзей, с которыми они, ещё каких-нибудь полчаса назад, разговаривали, курили, смеялись никак не выходили из памяти.

Я это знала не столько из писем брата, сколько благодаря набиравшему силу дару и тому, что начавшие приходить ко мне за помощью родственники таких людей приводили с собой этих несчастных, измученных ночных кошмарами. Дотрагиваясь до них, я глубоко погружалась и видела их глазами все зверства, боль, грязь, негатив и всепоглощающее жгучее желание отомстить за всех. Эти чувства сродни гигантской чёрной дыре, поглощающей всё живое на своём пути – у испытавших такое отсутствовала жажда жизни. Смех, радость, даже любовь проходили мимо, если и задевали, то могли вызвать только агрессию. Я старалась помочь смириться с потерей, забыть, простить себя, изгнать минимую вину за бессилие. После таких пациентов я по нескольку дней прибывала в подавленном настроении. Апатичность,

как неизвестный вирус, передавалась мне, проникала под кожу.

В такие дни хотелось только одного – забраться в постель, свернуться клубочком под одеялом и забыться сном. Но такую роскошь я не могла себе позволить, приходилось насилино заставлять себя заниматься обычными делами. Да и о главной цели – спасти Митю, невозможно было забыть. Все подходящие заговоры шли вход для защиты брата от бед.

Постепенно, благодаря своим способностям, ко мне с разными проблемами стали обращаться не только жители близлежащих деревушек, но и заезжие пациенты из города. В основном дамы, желающие узнать про «увлечения» своих мужей или приворожить любовников, которые отказывались от брака с ними.

Далеко не за всё я бралась, какие бы методы убеждения и мольбы о помощи не звучали от женщин. Старалась убедить отказаться, ведь это навсегда, а приворожённому помимо воли человеку придётся мучиться всю жизнь. Тем более, если это насаждённая любовь с одной стороны сродни медленному убийству. Вмешиваясь в судьбу, против воли привязывая мужчину к себе, они тем самым совершали насилие и сокращали его жизнь. Некоторых удавалось отговорить от необдуманных поступков, но попадались и другие, которые в угоду своих капризов хотели подкупить меня с помощью больших денег. С ними разговор был короткий, твёрдое «нет» и настоятельная просьба больше не беспокоить.

Однажды, в середине зимы, возвращаясь знакомой тропинкой домой, издали заметила группу деревенских мальчишек. Они сгрудились вокруг небольшого сугроба и громко о чём-то спорили. Я намеревалась пройти мимо, но расслышав некоторые обрывочные фразы, остановилась и внимательно присмотрелась к этому сугробу. На вершине его ко-пошилось что-то маленькое, какое-то темное пятно. Я приблизилась настолько, чтобы внимательнее рассмотреть объект повышенного интереса. Тут один из мальчишек: местный хулиган, отбежал на десяток шагов и стал кидать снежки в направлении этого пятна, явно пытаясь попасть в цель под одобрительные возгласы толпы. Непонятный комочек, обсыпанный снегом от падавших рядом с ним снарядов, попытался убежать, но застряв в глубоком и мокром сугробе, жалобно запищал.

Вот тогда я поняла, что этот непонятный зверёк всего лишь крохотный бездомный котёнок, над которым ради потехи издевались эти малолетки. Не теряя больше времени, даже не задумываясь о последствиях, со всей силы швырнула в эту шайку свой портфель и помчалась выручать беспомощное животное.

Раздались возмущённые возгласы, тех в кого попал мой «снаряд», но увидев, кто его запустил, все виновники сначала оторопели, а потом убежали в рассыпную с криками:

– Ведьма! Ведьма! – эхом раздавалось в зимнем, морозном лесу.

Лишь один хулиган попытался сопротивляться и не побежал с остальными. Кинул в меня снежком, думая этим испугать. Наивный, зря так поступил.

Разозлившись ещё больше, я кинулась на него с кулаками, не видя перед собой растерянного, выше меня на целую голову парня, со всей злости ударила ему в глаз. Потом схватила за ухо, как нашкодившего щенка, заставила наклониться к моему лицу и, зло прищурившись, прошипела:

– Ещё раз увижу, что вы мучаете бедных зверюшек, прокляну! Ясно?!

– Д...да! – заикаясь, крикнул в ответ он.

– Смотри, если обманешь, плохо тебе будет. Понял меня?! – спросила я строгим голосом.

Парнишка усиленно закивал чубатой головой, шапка валилась рядом с ним, в ногах. Слетела она от энергичной оплеухи, которой я его «наградила» для закрепления обещания.

– А теперь скройся с глаз, чтоб больше не видела вашу компанию здесь! – выпуская его пурпурно-красное ухо, велела я.

Он, бледный от страха, пулей бросился от меня в сторону и забыл свой головной убор. Отряхнув пальто, склонилась над мокрым, дрожащим от холода и страха котёнком. Темная щёрстка непонятного цвета намокла от попыток маленького животного слизать снег. Взяв на руки шипящий комочек, не задумываясь, расстегнула верх пальто и сунула сопротивля-

ющегося котёнка себе за пазуху. Придерживая ворот, быстро подхватила со снега портфель и побежала домой.

Едва открыв дверь и вступив на порог, мыслях раздалось недовольное ворчание Никодима:

– Хозяйка, тебе самой есть нечего, а ты ещё один рот притащила. Зачем, он нужен?

– Помолчи, Никодим! – вслух приказала домовому. – Он теперь будет жить с нами, не смей его обижать. Его чуть не убили местные хулиганы, вон, видишь, как, бедненький, дрожит.

Котёнок, которого я вытащила из пальто, стоял на полу, смешно пошатываясь на маленьких лапках. Совсем ещё малыш, от силы месяца три.

Быстро скинула верхнюю одежду и, схватив первое попавшееся под руку полотенце, принялась его вытирать.

Скрипнула входная дверь, из коридора женский голос позвал:

– Рада? Ты дома??

– Да! Проходите сюда, пожалуйста, – пригласила нежданную гостью я.

Вошедшая женщина, была маленького роста, одетая в ватную телогрейку и пуховый платок, пожилая, лет шестидесяти, с румяным от мороза лицом. Морщинистый лоб, прямые брови, водянисто-серые глаза, вздёрнутый нос и тонкие губы. Серафима Егоровна или бабка Сима, как все местные её звали, частенько обращалась ко мне за помощью в лечении

животных, которых она любила больше, чем людей. Сыла среди деревенских скандалисткой, охочей за чужими секретами и сплетницей неимоверной. Стоило кому-нибудь на одном краю чихнуть, как уже на другой стороне деревни бабка Сима говорила: «Будь здоров, милок».

Но ко мне она относилась с непонятным уважением и даже защищала в спорах с «доброжелателями».

— Добрый день, Серафима Егоровна. Что случилось у вас? — поздоровавшись, спросила я у неугомонной женщины.

— Ой! Радочка, беда у меня! Захворала моя любимица козочка Роза. Ничего ни ест, только лежит да стонет бедняжечка. Помоги, а?

— Конечно, сейчас пойдём. Посмотрим, что с вашей Розой случилось, — согласилась я, поднялась со стула. Закутала котёнка в сухую тряпку, положила поближе к печке на плетеное кресло.

— Откуда ты взяла котёнчика? — спросила любопытная старушка.

— Да в лесу отбила у мальчишек. Вон, смотрите, как боится. До сих пор трясётся, как осиновый лист.

— Ах, они ироды! Ни про что обидели беззащитную животинку, — рассерженно сказала женщина. — Я вот им покажу в следующий раз, как издеваться над слабыми! Надолго запомнят бабу Симу эти нелюди.

— Серафима Егоровна, идёмте, — произнесла я, заново одеваясь.

Мысленно приказала Никодиму присматривать за новым жильцом и не пугать по чём зря.

Вышла вслед за своей посетительницей за окопицу, обернувшись, закрыла на задвижку калитку.

Идти не очень далеко, мы уже почти добрались до нужного двора, когда нам навстречу, чуть ли не бегом, направилась средних лет женщина в модной короткой песцовой шубе и высоких сапогах. Завидев нас, прибавила шагу и остановила окриком:

– А ну, стоять! – запыхавшись, приказала она и сразу накинулась на меня с какими-то обвинениями. – Эй ты, оборванка, верни моему сыну шапку, а то я в милицию заявлю. Немедленно.

Я растерянно слушала её, не понимая, чего она хочет. Зато шедшая со мной старушка сразу кинулась в бой.

– Надька, придержи коней! Это тебе твой оболтус-сыночек сказки рассказал? Да по нему самому комнату милиции плачет. Он же изверг. Моему котику Барсику энтот* изувер привязал к хвосту банку консервную и отпустил. Я за бедным животным полдня бегала по всей деревне, насилиу поймала. Так что, иди куда шла, подобру-поздорову, и не трогай Раду!

– Пока она не вернёт Вовочке шапку, я с места не двинусь! – упёрлась скандалистка.

Только теперь я поняла, кто она такая. Это родительница того паренька, который мучил ни в чём не повинное живот-

ное и потерял шапку, когда убегал от меня.

– Извините, но ничью шапку я не брала. Пускай ваш Вовочка меньше делает гадостей людям. И не к чему запугивать меня. А его вещи валяются там, где он их оставил, нечего других обвинять в своих грехах, – высказалась я и, развернувшись, пошла по накатанной, скользкой от подтаявшего на солнце снега, дорожке, придерживаясь за забор.

Вслед мне посыпались такие отборные ругательства, что даже пьяные мужчины их не произносили от стыда.

Спустя некоторое время, вся запыхавшись, догнала меня старушка и рассказала продолжение этого «разговора». Мать этого хулигана, оказывается, работала в администрации нашего района и не привыкла к правде о своём ненаглядном сыночке. Пообещала натравить на «строптивую малолетнюю мошенницу» органы опеки. Но я, к сожалению, не придала этим словам никакого внимания, мало ли что говорят в пылу гнева. В тот момент меня больше занимала проблема заблевшей козы Серафимы Егоровны, чем пустые угрозы очередной истерички.

Уже вечером, возвратившись домой с полным бидоном молока, который почти насильно всучила мне старушка за излеченнное животное, вспомнила эти слова. И на душе заскребло неприятное чувство тревоги. Зря, конечно, я тогда не прислушалась к интуиции, но прошедшего вернуть нельзя...

Занявшись насущными делами, быстро позабыла все

неприятности. Сварив кашу, я первый раз за целый день поела, накормив Мурку (так назвала найденного котёнка) села учить заданные в школе уроки. Свернувшись пушистым темно-серым клубочком у меня на коленях, тихо урчала спящая кошка. Придавая этим звуком умиротворение и покой, иногда прерываемый навязчиво-громким кукованием старинных настенных часов, висевших на противоположной стене и своим шумным тиканием, мешавшими спать по ночам.

Так незаметно проходило время, и наступила долгожданная весна. А вот вместе с ней пришли ко мне и обещанные неприятности.

Тёплые майские дни наполняли воздух пьянящими ароматами трав, которые я собирала для целительства, развесивала пучки для просушки.

И когда меня в очередной раз позвали незнакомые голоса с улицы, не подозревая подвоха, я вышла.

Возле самой калитки стояли трое в строгих деловых костюмах. Двое мужчин и одна женщина, которая держала дипломат в согнутой руке.

– Девочка! Это ты, Радмила Селиванова?! – громко спросила она.

Я медленно кивнула в ответ.

– Вот и хорошо, а мы из опекунского совета. Пришли с тобой поговорить, – продолжила в том же тоне женщина. – Пригласи нас в дом, будет удобнее беседовать.

Мне ничего не оставалось, как позволить им войти.

Оглядывая внимательным взглядом помещение, они прошли через тёмный коридор и оказались в доме.

— А электричества у тебя нет? — брезгливо морща лицо, начал расспрашивать мужчина. — Как же ты одна живёшь?! Кто присматривает за тобой?! Да и вообще, невозможно проживать в таких условиях!

Чувство протеста начало пониматься во мне и грозило вырваться из-под контроля. Стارаясь глубоко дышать, я кинулась в наступление.

— Живу я не одна, а с братом. Правда сейчас он отсутствует по уважительной причине. А чем вам не нравится этот дом? Он гораздо лучше предыдущего, если бы видели тот! Здесь чисто. Кстати, осторожнее, я только что помыла полы. Вы спрашивали, кто за мной присматривает. Так это... соседка. Зовут её Серафима Егоровна, могу позвать, если нужно.

Они, явно не ожидая такого отпора от маленькой девочки, отступили к дверям.

— Но мы бы хотели осмотреть помещение и условия проживания. Чем ты питаешься, во что одеваешься? — спросила опекунша, не желая сдаваться.

— Вы можете пройти, — кивком показала на женщину, нагнулась и специально вытащила из тумбочки старые, протёртые в нескольких местах, тапочки. — Только переобувайтесь, а то полы опять мыть из-за вас придётся, — сказала я, стараясь сохранить невозмутимое выражение на лице, видя их

мины.

С тяжёлым вздохом смирения женщина сняла туфли и надела предложенную обувь. Она прошла вслед за мной к стоящим на печи кастрюлям. Подозрительно принюхиваясь к их содержанию, зачерпнула половником рисовую кашу. С осторожностью попробовав, в недоумении вскинула бровь.

- А еду тебе тоже соседка приносит?
- Нет, конечно. Сама готовлю, я же не инвалид, – рассмеявшись, ответила я и предложила. – Кушать будете?
- Спасибо, не хочу, – категорически отказалась женщина.
- Что ж, тогда продолжим инспекцию? – насмешливо проговорила я и жестом пригласила её пройти в комнату брата.

И мы скрылись с глаз мужчин, которые всё так же стояли на пороге, почти не шевелясь, топтались на месте, иногда о чём-то перешёпотывались.

Решив поддержать беседу и заодно узнать о «гостях» побольше, спросила:

- А вас как зовут?
- Ой! – спохватилась женщина. – Совсем из головы вылетело. Надо же, забыла представиться. Меня зовут Зоя Алексеевна. Я председатель опекунского совета.

Женщина протянула мне холёную, с красивым маникюром, руку. Едва услышав её должность, в голову пришла шальная мысль, попробовать воспользоваться своими способностями и мгновенно решилась на этот риск.

Осторожно дотронулась до её кисти. Слегка пожав паль-

цы, я снизу вверх заглянула в тёмно-карие глаза и, не отпуская женщину, молча, приказала ей сесть на кровать...

Спустя минут пять мы, как ни в чём не бывало, вышли из комнаты. Они все сухо попрощались и ушли. Лишь когда проводила их со двора, позволила себе перевести дух.

С тех самых пор из той организации меня больше не беспокоили, вплоть до того момента, когда в нашу школу пришёл новый учитель. Молодой, амбициозный тип. Он старался всем показать своё превосходство, выставив учеников неучами и лодырями. Но со мной это не выходило, что его раздражало и злило.

Случайно узнав, что я проживаю одна, учитель решил сделать из меня отстающую в развитии девочку, нуждающуюся в специальном обучении. Начал всячески придиরаться к выполненным домашним заданиям и жаловаться окружающим на моё отставание от школьной программы. Приходившие на уроки для контроля директор и завуч только разводили руками на его претензии, потому что не находили каких-либо отклонений.

Тогда Глеб Юрьевич (так звали учителя) решил наглядно доказать, что у меня нестабильная психика. Оставив под предлогом помощи, он просто стал наглым образом давить на нервы.

В конце концов, забившись в угол, я была готова сорваться и звать на помощь. Как вдруг дверь класса распахнулась, и на пороге появился человек, которого мне так давно хоте-

лось увидеть.

— Митя! — обрадовано вскрикнула я, не обращая внимания на попытки учителя остановить, побежала к брату.

Брат присел на корточки. Пролетев расстояние, разделявшее нас, за секунду, я крепко обняла его за шею, прижавшись всем телом.

Где-то на грани сознания раздавался громкий голос Глеба Юрьевича:

— Селиванова! Сейчас же вернись, мы не закончили! — И хлопнул об столешницу пятерней.

Митя посмотрел на меня сияющими небесно-голубыми глазами, обхватил руками моё худенькое тельце, встал и пристально посмотрел в сторону кричащего человека.

— Сестрёнка, я так рад тебя видеть, — сказал он и прижался шершавой щекой к моей. — Иди домой, а мне нужно с этим... — он сделал паузу и продолжил, — пообщаться. По какому праву он орёт и приказывает тебе?! Не бойся, я только поговорю с ним, — уверил он, подтолкнув меня к выходу.

С неимоверным усилием я разжала свои объятия, быстро подхватила портфель и выскочила из класса. Последнее, что невольно удалось расслышать, была фраза разозлённого учителя:

— Да, кто ты такой? Врываешься в помещение, прерывая мою беседу с подопечной!

— Я — брат Рады! А вот теперь мы побеседуем без свидетелей. Что здесь творится? Ты приставал к моей сестре?!

Дальше я не стала подслушивать и побежала домой. Сердце гулко стучало в груди от радости, казалось, большего счастья не бывает.

Примерно через полчаса в коридоре послышались тяжёлые шаги. В открытом дверном проёме показалась светлая, с короткими волосами, голова брата. Камуфляжная форма ярко выделялась на фоне выбеленных стен. Присмотревшись повнимательнее к его внешности, отметила, что он сильно изменился. Черты лица потеряли детскую наивность, стали более жёсткими и мужественными. Особенно взгляд, настороженно-внимательный, хоть он и старался улыбаться, но пережитое спрятать невозможно.

После проведённой Митея «беседы» с Глебом Юрьевичем, последний старался игнорировать мою персону и вообще перестал замечать.

Неделя отпуска, отпущенная брату, пролетела в одно мгновение. И вот снова прощание с ним рвало мою душу на части.

– Ну, волшебница! – он в шутку стал меня так называть, когда, увидел сколько людей приходило за помощью. – Мне пора ехать, а то опоздаю на поезд. Остался ещё один годик потерпеть тебе, и я вернусь. Обещай, что ты не будешь делать глупостей.

Я усиленно старалась изображать радость, кивала и соглашалась со всем. Хотя на самом деле хотелось разреветься в голос, по-звериному вцепиться в брата пальцами, не отпус-

кать от себя. Увы, этого меньше всего заслужил Митя, поэтому, стиснув зубы, я продолжала сохранять на лице улыбку.

Напоследок, он крепко прижал меня к себе и отпустил. Сел в подъехавший автобус и, помахав на прощание рукой в открытое наполовину стекло, уехал.

Опять потянулись однообразные дни, заполненные заботами и проблемами. Всё больше возрастало количество страждущих, ждущих моего дара, людей. Порой я начинала приём ранним утром, а заканчивала глубоко за полночь, не успев даже полноценно покушать, валилась на кровать в одежде, мгновенно засыпая.

Митя писал очень редко и скучно, а потом решил остаться в армии дольше. В нашей деревушке в то время работы совсем не осталось. Так что я, скрепя сердце, согласилась с его выбором, видя, как спиваются молодые парни от невозможности найти себе дело.

Брат высыпал деньги, иногда вырывался со службы, привозя подарки. Но для меня лучшим из всех подарков был он сам. Его стараниями я окончила школу, но когда брат стал уговаривать меня поехать жить к нему, отказалась наотрез.

Каждый раз он пытался полушутя убедить меня поехать к нему жить. Говоря мне, что от такого единения скоро совсем одичаю и буду, как снежный человек. На эти слова я только смеялась и показывала на толпу, которая день ото дня становилась всё многолюднее.

Вот в один из таких редких приездов брата ко мне посту-

чались. Занятая делом, я попросила его выйти к гостям. Он вышел, и в коридоре раздались возбуждённые голоса.

Глава 11

Спустя несколько минут в комнату вошли четыре человека, двое из которых были в милицейской форме. С ними рядом стояли мужчина и женщина средних лет. Она вся заплаканная с опухшим от слёз глазами, а её спутник дёрганный какой-то.

— Сестрёнка, это к тебе, — объяснил брат. — У них внучка пропала, приехала на каникулы из города и пошла с подружками в лес. Вечером дети вернулись, а вот их девочка нет. Они сначала пытались сами её искать, но не нашли. Утром заявили в милицию о поиске ребёнка, ищут уже три дня. Местные предложили обратиться к тебе.

Я растерялась, никогда в жизни ещё с поиском людей не сталкивалась. И даже понятия не имела, как это делается. Конечно, существовали призывные заговоры, но их нужно делать глубокой ночью. Но никакой гарантии в успехе нет, а время будет упущено.

Наверно мои сомнения всё-таки промелькнули на лице, потому что ждущие помохи совсем поникли. Но страдающая женщина решилась на отчаянный шаг, она опустилась передо мной на колени и хриплым голосом попросила:

— Помоги, молю тебя! — и разрыдалась, вздрагивая всем телом.

Очнувшись, я стремительно подскочила к несчастной.

Подхватила её, заставила подняться с колен. Помогла сесть на стул и подала стакан с водой.

– Успокойтесь, пожалуйста! Как вас зовут? – спросила я.

От стресса женщина сначала даже не поняла вопроса, потом, всё ещё всхлипывая, ответила:

– Валентина Васильевна, можно просто тётя Валя.

– Тётя Валя, не знаю, что вам обо мне рассказывали, но поиском людей я никогда не занималась, – призналась я в своём бессилии.

А вот следующие слова женщины поразили:

– А ты, девонька, сделай так, как в одной передаче про экстрасенсов.

– Про кого?! – не поняв, переспросила я.

– Ну… экстрасенсов. Передача такая по телевизору идёт, там показывают людей со способностями и им дают различные задания. А когда нужно найти кого-нибудь, им дают фото человека. Они берут его в руки, чувствуют и говорят то, что видят, – объяснила женщина. – И протянула мне фото со словами: – Попробуй, ведь хуже не будет. Может, и почувствуешь, где наша внученька находится.

Я очень сомневалась в этом эксперименте, но решила попробовать. Взяв фотографию, не глядя на изображение, зажала между ладонями и, закрыв глаза, попыталась что-то почувствовать.

Сначала от фото стало ощущаться исходящее тепло, потом очень тихо в мыслях зазвучало имя Алеся. Будто ка-

кая-то сила с нарастающей настойчивостью хотела показать ребёнка. И я увидела, как девочка лет шести-семи сидит на поваленном дереве и испуганно озирается по сторонам. Тёмные спутанные кудряшки, настороженные карие глаза, круглое лицо. Одетая в жёлтое платьице, которое ярко выделяется на фоне тёмной зелени леса. Место показалось очень знакомым – эта дальняя поляна, на которой несколько дней назад собирала лечебные травы.

От радости и нетерпения я быстро заговорила, взяв переживавшую женщину за сжатую в кулак ладонь:

– Валентина Васильевна, скажите, Вашу внучку зовут Алеся?

– Да, – подтвердила она.

– А на ней было жёлтое платье? – продолжила расспрос я. – У Алеси тёмные волосы и карие глаза?

– Да, а ты откуда знаешь? – удивлённо спросила она. – Ведь даже на фото не посмотрела. Почувствовала, да?

– Я видела вашу внучку, она жива. Правда, очень испугана, идёмте. Теперь знаю, где надо искать, – ответила я, быстро поднявшись со стула.

Милиционер, стоящий до того момента молча, подал голос:

– Рада, если знаешь место нахождения ребёнка, расскажи. Мы сами её отыщем. Там в нашем распоряжении целая поисковая группа, ещё добровольцы из местных. Найдём пропавшую быстрее, чем ты. Только объясни, где искать.

Я весело посмотрела на этого «следопыта» и разъяснила:

— Это место вы днём с огнём не найдёте. Туда напрямик часа полтора хода, но это для меня. Вы полдня будите ходить вокруг и вряд ли разыщите полянку. Так что лучше, если на поиск я отправлюсь сама. За три часа найду и вернусь, в лесу я каждую травинку знаю. Надо поторопиться, пока девочка находится там.

— Ну, тогда давай мы довезём тебя до нужного места, — предложил он. — Мы на машине.

Согласившись на предложение, переобулась в лёгкие балетки и вышла вместе с Митей. Брат тоже захотел поехать с нами, в старом милицейском «бобике» места мало и пришлось разделиться.

Мы с Валентиной Васильевной поехали первыми, а затем машина должна вернуться за остальными. Проехав деревушку, машина остановилась возле толпящихся людей, которые пришли помочь в поиске. Выгрузив нас и вкратце пояснив ситуацию, водитель поехал обратно за оставшимися.

Страясь не терять драгоценного времени, попросила у спасателя фляжку с водой для девочки и отправилась в путь. Шла я самым быстрым шагом, какой позволяла дремучая тайга. Мысленно старалась не потерять тот ели заметный тёплый поток энергии, который вёл меня к искомой цели.

Этот незримый поток становился всё теплее и ощутимей по мере приближения к поляне, как в детской игре «тепло — холодно». Стоило чуть-чуть отклониться от намеченной це-

ли, как ощущение слабело. Приходилось снова ловить его, возвращаясь обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.